ПАРАДОКС

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Виктор Муравьёв

Виктор Муравьёв

Парадокс

«Автор»
2026

Муравьёв В.

Парадокс / В. Муравьёв — «Автор», 2026

Ироничная комедия о человеке с золотыми руками, своеобразной логикой и прошлым, которое лучше бы не вспоминать.

© Муравьёв В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 15
Глава 3 26
Глава 4 36
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Виктор Муравьёв
Парадокс

Глава 1

Степан не любил, когда люди выбрасывали хорошие вещи. Плохие, впрочем, тоже не одобрял, поскольку был убеждён, что у любой вещи есть второе предназначение, о котором её прежний хозяин мог просто не догадаться. Старый телевизор, например, прекрасно подходил для хранения картошки, а сломанный пылесос, если вытащить из него двигатель, превращался в довольно вместительную ёмкость для всякой мелочёвки. Правда, двигатель потом приходилось хранить отдельно, потому что выбрасывать исправный двигатель было бы уже настоящим свинством.

Поэтому стул, одиноко стоявший возле мусорных контейнеров, Степан заметил сразу.

Стул был кухонный, металлический, с серым сиденьем из искусственной кожи, которую в магазине наверняка называли экологической, поскольку ни одно животное добровольно участвовать в её изготовлении не согласилось бы. Одна ножка подозрительно смотрела в сторону, зато остальные три выглядели вполне прилично.

Степан остановился, прищурился и обошёл находку кругом, как покупатель, которому предложили автомобиль с пробегом.

— Почти новый, даже десять лет не отработал.

Он произнёс это с искренним возмущением, поскольку прекрасно помнил времена, когда мебель переходила от родителей к детям, а потом ещё лет двадцать стояла на даче, ожидая, пока кто-нибудь наконец объяснит ей, что она уже умерла.

В свои тридцать пять Степан уже успел убедиться, что люди разучились ценить вещи. Раньше, по его мнению, выброшенный стул можно было спокойно использовать ещё лет пятнадцать, а нынешние изделия почему-то ломались чуть ли не сразу после окончания гарантии. Впрочем, когда именно закончились те самые хорошие времена, Степан точно сказать не мог. Некоторые из них он по вполне объяснимым причинам помнил довольно смутно.

Взявшись за спинку, Степан приподнял стул, и одна из ножек немедленно отвалилась, звякнув об асфальт.

Он рассматривал отвалившуюся ножку с тем выражением, с каким опытный врач смотрит на пациента, который слишком рано решил выписаться.

— Ну вот, а я тебе уже поверил.

Ножка представляла собой обычную металлическую трубку, выскочившую из крепления. Степан вставил её обратно, приложил ладонь к сиденью и крепко хлопнул, после чего проверил соединение, несколько раз покачав стул за спинку.

Результатом он остался доволен.

Вообще Степан считал, что половину неисправностей можно устранить хорошим ударом, а вторую половину лучше не трогать, поскольку после первого удара они обычно переходят в первую категорию.

Он подхватил приобретение и направился домой, прикидывая, где его поставить. На кухне уже имелись два стула, причём один использовался преимущественно для хранения одежды, так что третьему вполне можно было найти применение. Например, поставить на балкон, чтобы было на чём сидеть, когда придётся размышлять, зачем он вообще понадобился.

До подъезда оставалось метров тридцать, когда Степан услышал женский голос.

— Да отстань ты от меня! Сколько можно повторять?!

У входа в дом стояла девушка с двумя продуктовыми пакетами, а перед ней крутился парень в спортивной куртке, явно не желавший заканчивать разговор. Он преграждал дорогу, пытался схватить её за руку и делал это с той неприятной уверенностью, с какой некоторые люди полагают, будто слово «нет» означает лишь недостаточно убедительное «да».

Степан остановился.

Ситуация ему не понравилась, хотя поначалу он даже не понял почему. Потом решил, что причина, скорее всего, в спортивной куртке. У него самого когда-то была похожая, и ничего хорошего из этого периода жизни он вспомнить не мог. Особенно тот случай с участковым и велосипедным насосом, который до сих пор вызывал у него противоречивые чувства.

Перехватив стул за спинку, Степан подошёл к парочке и с видом участкового, только что обнаружившего подпольный игорный дом, поинтересовался:

— Голубей насилуем?

Оба замерли.

Девушка перестала вырываться, парень отпустил её руку, а Степан, заметив наступившую тишину, вдруг понял, что произнёс что-то не вполне соответствующее обстановке.

Он нахмурился, приложил указательный палец к подбородку и посмотрел немного вверх, словно пытался разглядеть на невидимом потолке правильный вариант собственного вопроса.

В голове действительно обнаружилась ошибка. Причём довольно серьёзная.

Но исправлять её Степан не стал, поскольку с детства знал, что признание собственной неправоты только раззадоривает окружающих.

— А?

Парень перевёл взгляд со Степана на стул и обратно и, видимо, пришёл к выводу, что перед ним человек, которому срочно требуется квалифицированная помощь, желательно с отдельной палатой.

— Слышь, алкаш, иди своей дорогой!

Степан оскорблённо поджал губы.

Алкашом он себя не считал. Во всяком случае, именно сейчас он был совершенно трезв, а значит, обвинение носило откровенно клеветнический характер. Да и вообще, какое отношение имели его личные отношения со спиртными напитками к происходящему возле подъезда?

Он уже собирался указать молодому человеку на эту очевидную логическую ошибку, когда девушка торопливо обратилась к нему:

— Мужчина, помогите, пожалуйста! Он меня не отпускает!

Степан внимательно посмотрел на её руку, потом на парня, после чего поставил стул перед собой и опёрся на спинку обеими ладонями.

В принципе, драться он не собирался. Во-первых, стул было жалко, во-вторых, потом пришлось бы объясняться с полицией, а в-третьих, опыт подсказывал, что драка представляет собой довольно дорогой способ выяснить, кто из участников хуже воспитан.

— А ты давай, ударь меня.

Предложение прозвучало настолько неожиданно, что парень даже отступил на полшага. Степан же, почувствовав интерес к своей персоне, немедленно решил развить успех.

Он выпрямился и с достоинством человека, зачитывающего заранее подготовленную судебную претензию, продолжил:

— Я тебя засужу. Ещё и всем расскажу, что ты ко мне приставал, всякие неприличные предложения делал и мою шелковистую попку трогать пытался.

Парень открыл рот, но ничего не сказал.

Очевидно, подобного поворота в своей биографии он не предусматривал. Одно дело — повздорить с незнакомым мужиком у подъезда, и совсем другое — потом объяснять знакомым, почему этот мужик рассказывает про какие-то шелковистые части тела.

Особенно если мужик со стулом.

Степан между тем вошёл во вкус. Его довольно давно никто не слушал с таким вниманием, если не считать продавщицу гастронома, которой на прошлой неделе он обстоятельно объяснял, почему стоимость плавленого сырка не должна зависеть от курса доллара.

— И не надейся, что я отпираться буду. Я, между прочим, мужчина честный, если меня кто обесчестит, так я скрывать не стану.

Девушка прикрыла рот ладонью. Она ещё не вполне понимала, смеяться ей или убегать, однако положение уже не выглядело настолько безвыходным, как минуту назад.

Парень посмотрел на неё и, кажется, впервые осознал, что произошедшее может закончиться для него не самым выигрышным образом.

— Да ну вас обоих, ненормальные какие-то!

Он раздражённо махнул рукой и пошёл прочь, пробормотав себе под нос ещё несколько определений, которые Степан счёл нецензурными и потому мысленно заменил на слово «невоспитанный».

Проводив его взглядом, Степан, решив, что победа должна сопровождаться хотя бы небольшим торжественным мероприятием, вытянул шею и протянул вслед:

— Э-э-э! Какие нежные все стали! Быдло!

Парень остановился.

Степан тоже остановился, хотя никуда и не шёл. Просто на всякий случай крепче ухватился за стул.

— Чего ты сказал?!

В голосе молодого человека прозвучала такая искренняя обида, словно его только что несправедливо исключили из общества благородных девиц.

Степан на секунду задумался. Слово он выбрал подходящее, интонацию тоже, но вот расстояние между ними оказалось недостаточным для безопасного продолжения дискуссии.

Парень уже развернулся и направился обратно.

Прикинув возможные варианты, Степан пришёл к выводу, что собственные зубы ему ещё пригодятся, а потому решил временно доверить решение конфликта мебели.

Стул полетел вперёд довольно неуклюже, описав в воздухе неполный оборот.

Парень попытался отскочить, однако одна из металлических ножек задела его по голени. Он споткнулся о бордюр, нелепо взмахнул руками и растянулся на асфальте, успев напоследок сообщить окружающим, что совершенно не согласен с подобным развитием событий.

Стул приземлился рядом.

От удара у него снова отвалилась ножка.

Степан покачал головой.

— Ну вот что за люди пошли? Всё ломают, до чего дотянутся.

Девушка медленно перевела взгляд с лежащего парня на стул, затем на Степана, который уже подбирал своё имущество, и окончательно убедилась, что этот день заслуживает отдельного места в её воспоминаниях.

Тем временем молодой человек поднялся на четвереньки, потом встал, ощупал ушибленную ногу и посмотрел на Степана с явным намерением высказать всё, что о нём думает.

Степан встретил этот взгляд спокойно, хотя на всякий случай снова взялся за спинку стула.

— Давай, давай, иди уже. Ты мне ещё за ножку должен, между прочим.

Парень оценил расстояние, выражение лица противника и наличие у того пусть неисправного, но всё ещё достаточно увесистого предмета мебели.

После некоторого внутреннего совещания он решил, что сегодня справедливость может обойтись без его участия.

Развернувшись, молодой человек зашагал прочь, заметно прихрамывая.

Степан проводил его взглядом и неодобрительно цокнул языком.

В его представлении молодёжь окончательно распустилась. Причём тот факт, что некоторые представители этой молодёжи были всего на несколько лет младше него самого, нисколько не мешал ему относиться к ним с заслуженным, по его мнению, превосходством. Степан вообще считал, что жизненный опыт измеряется не годами, а количеством неприятностей, в которые человек успел попасть. По этой системе подсчёта он давно уже мог претендовать как минимум на должность почётного пенсионера.

Он снова вставил ножку в крепление, хлопнул по сиденью и только после этого вспомнил о девушке.

Та стояла у подъезда, всё ещё прижимая к себе пакеты.

— Ну что, красавица, давайте я вам хоть пакетик один донесу.

Степан подмигнул настолько выразительно, что у девушки возникло подозрение, будто он пытается одновременно передать ей секретное сообщение и избавиться от соринки в глазу.

Он приблизился на шаг и, немного понизив голос, доверительно добавил:

— Сами понимаете, на чаёчек напрашиваюсь. Можно даже с булочкой. Я сегодня, между прочим, сосисок не ел, а ведь вторник.

Девушка растерянно моргнула.

Она хотела поблагодарить незнакомца, но упоминание сосисок неожиданно нарушило ход её мыслей. Теперь ей почему-то стало необходимо узнать, какое отношение к ним имеет вторник, хотя внутренний голос настойчиво советовал не задавать лишних вопросов.

— А при чём здесь вторник?

Степан посмотрел на неё с нескрываемым удивлением.

Ему показалось странным, что взрослая девушка, способная самостоятельно покупать продукты и пользоваться ключами от квартиры, не знает таких элементарных вещей.

Он поудобнее перехватил стул и терпеливо объяснил:

— Так завтра же среда. Я что, завтра должен сегодняшние сосиски есть? Вы вообще календарь смотрите иногда?

Девушка промолчала.

Впервые за всё время ей пришло в голову, что молодой человек, который приставал к ней возле подъезда, возможно, был далеко не самым странным человеком, которого ей предстояло сегодня встретить.

А Степан, не дождавшись ответа, вздохнул и посмотрел на пакеты.

— Так чего, понесу или будем здесь до четверга стоять?

Девушка ещё раз внимательно посмотрела на Степана. Вроде обычный мужик, лет тридцати пяти, разве что немного помятый, словно его однажды сложили в чемодан, а потом забыли расправить. Одет просто, лицо вполне человеческое, глаза добрые, хотя и с некоторой усталостью от окружающей действительности. И ведь заступился, между прочим. Бывший её уже вторую неделю караулил возле подъезда, а тут незнакомый человек подошёл и за какие-то две минуты решил проблему, которую она никак не могла решить сама.

Правда, способ оказался весьма своеобразным, но победителей, как известно, не судят. Особенно если у победителя имеется стул.

Она взглянула на свои пакеты, вспомнила про купленные пельмени и подумала, что накормить человека, который явно рассчитывал хотя бы на булочку, было бы вполне приличным поступком. Тем более что Степан терпеливо ожидал ответа, с видом человека, готового при необходимости простоять здесь до обещанного четверга.

— Ну, пойдёмте, раз уж вы так просите. Чаем хоть напою, а то неудобно как-то получилось.

Степан удовлетворённо кивнул, забрал один из пакетов и пристроил стул под мышкой, предварительно убедившись, что многострадальная ножка всё ещё держится. Предложение

показалось ему вполне разумным, поскольку отказываться от приглашения в гости он считал дурной приметой. Особенно если приглашали туда, где имелся холодильник.

Поднялись они на третий этаж. Девушка открыла дверь квартиры и, пропустив своего неожиданного гостя вперёд, приветливо произнесла:

— Проходите, не стесняйтесь.

Степан вошёл с уверенностью человека, который не стеснялся даже в тех случаях, когда это настоятельно рекомендовалось. Поставил пакет возле обувной полки, и тот немедленно завалился набок, рассыпав по полу часть содержимого. Консервная банка прокатилась под вешалку, луковица остановилась возле тапочка, а упаковка макарон застыла посреди прихожей, словно решила не участвовать в дальнейшем безобразии.

Степан посмотрел на продукты, цокнул языком и принялся разуваться. Один ботинок он отправил в сторону двери, второй — под тумбочку, причём оба движения выполнил с такой непринуждённостью, будто именно там обувь и должна была находиться.

Затем он огляделся, щёлкнул пальцами, указал на ближайший дверной проём и решительно направился туда.

Сделав два шага, Степан остановился.

Перед ним находилась гостиная. Диван, телевизор, журнальный столик и большое комнатное растение, которому, судя по выражению листьев, давно надоело общество людей. Кухней здесь даже не пахло, что Степан счёл серьёзным недостатком помещения.

— Вот беда-то, а! С кухней перепутал.

Он развернулся и спокойно отправился в противоположную сторону, нисколько не смутившись тем обстоятельством, что никто не просил его самостоятельно заниматься поиском кухни.

Девушка проводила гостя удивлённым взглядом, затем присела возле рассыпавшихся продуктов. Подобрала луковицу, выудила из-под вешалки банку и осторожно подняла пакет, предварительно подвернув его порвавшийся край.

Вообще-то она ещё никогда не встречала человека, который, впервые оказавшись в чужой квартире, вёл бы себя настолько непосредственно. Создавалось впечатление, что Степан не пришёл в гости, а вернулся из продолжительной командировки и теперь проверял, всё ли осталось на своих местах.

Когда девушка добралась до кухни, он уже сидел за столом.

Стул, найденный возле мусорных контейнеров, остался в прихожей, прислонённый к стене, зато сам Степан успел обнаружить вполне исправный кухонный табурет и расположился на нём с таким удобством, словно давно являлся частью местной обстановки.

Он молчал, медленно барабаня пальцами по столешнице. Ритм получался задумчивый и несколько печальный, как будто где-то далеко играл оркестр, которому забыли заплатить.

Девушка поставила пакет на стол, включила электрический чайник и принялась разбирать покупки. В холодильник отправились сыр, масло, молоко и упаковка сосисок, при виде которых Степан заметно оживился, хотя никаких замечаний не сделал.

Она вдруг подумала, насколько странно всё получилось.

Ещё десять минут назад она ругалась с бывшим возле подъезда, опасаясь, что тот опять устроит скандал, а теперь на её кухне сидел незнакомый мужчина, которого она даже по имени не знала. Причём сидел молча, ничего не требовал и только постукивал пальцами, словно ожидал начала какого-то важного совещания.

С другой стороны, человек помог. Да и выглядел сейчас вполне безобидно.

Девушка достала из шкафчика вазочку с конфетами, поставила перед ним и улыбнулась.

— Сейчас чай будет готов. Вы пока угощайтесь.

Степан посмотрел на конфеты с искренним уважением. Среди них обнаружились шоколадные, карамельные и две подозрительно красивые, завёрнутые в золотистую фольгу. Послед-

ние он решил пока не трогать, поскольку давно заметил, что самые нарядные конфеты обычно содержат внутри что-нибудь неожиданное.

Выбрав обыкновенную карамельку, он развернул её, отправил в рот и довольно причмокнул.

Девушка продолжала раскладывать продукты, время от времени поглядывая на гостя. На лице Степана сохранялось выражение спокойного удовлетворения жизнью, и она невольно улыбнулась, подумав, что, возможно, зря сначала испугалась его странностей.

Закончив с покупками, она закрыла холодильник и указала рукой в сторону коридора.

— Ванная там, кстати.

Степан перестал барабанить пальцами.

Он внимательно посмотрел на девушку, затем слегка приподнял руку и осторожно принюхался к собственной подмышке. После непродолжительного исследования его лицо приобрело озабоченное выражение.

— А чего, сильно пахнет, да?

Девушка не удержалась и рассмеялась.

Вот это, по её мнению, была уже настоящая шутка! Причём произнесённая настолько серьёзно, что на мгновение можно было поверить, будто человек действительно обеспокоен состоянием своих подмышек.

Она покачала головой и, всё ещё улыбаясь, пояснила:

— Да нет, я про руки говорю! Вы же со стулом этим возились, потом пакет несли. Что вы такое говорите? Хотя шутка смешная!

Степан посмотрел на свои ладони.

Действительно, руки были грязноваты. Особенно правая, на которой после ремонта стула осталось тёмное пятно непонятного происхождения. Степан попробовал стереть его большим пальцем, но пятно не поддалось, чем окончательно подтвердило необходимость посещения ванной комнаты.

— А, руки? Ну ладно, пойду помою. Помоемся, так сказать. Банный день можно сказать.

Он поднялся из-за стола и направился в коридор, по дороге машинально поправив стоявший возле стены стул. Тот немного качнулся, однако устоял, что Степан воспринял как очередное доказательство качества произведённого ремонта.

Ванная оказалась небольшой, но аккуратной. Белая плитка, зеркало над умывальником, несколько разноцветных флаконов и стиральная машина, на которой стояла корзинка с какими-то женскими принадлежностями, предназначение которых Степан определять не стал.

Он подошёл к раковине, открыл кран и подставил руки под воду.

Поначалу всё шло как положено. Вода была тёплая, мыло пахло чем-то фруктовым, а зеркало позволяло убедиться, что за последние полчаса его внешность принципиально не изменилась.

Но вскоре Степан заметил подозрительное движение внизу.

Под раковиной, возле соединения трубы, собиралась вода. Маленькая капля набухала, отрывалась и падала на пол, после чего на её месте немедленно появлялась следующая.

Степан нахмурился.

Он наклонился, заглянул под умывальник и с профессиональным разочарованием проследил за каплями.

Вода продолжала капать.

Причём делала это совершенно бесстыдно, даже не пытаясь скрыть неисправность в присутствии постороннего человека.

Степан покачал головой, закрыл кран и снова посмотрел на соединение. Капли вскоре перестали появляться, зато на полу осталась небольшая лужица.

Подобного отношения к сантехнике он не одобрял.

За свою жизнь Степан успел поработать в самых разных местах, но особенно хорошо ему запомнились времена, когда приходилось возиться с трубами, кранами и прочим хозяйством, которое по необъяснимой причине предпочитало ломаться именно тогда, когда люди собирались отдыхать.

Он мог простить человеку многое. Невыключенный свет, неправильно припаркованную машину и даже привычку разговаривать по телефону в общественном транспорте. Но оставлять текущий кран без внимания представлялось ему почти личным оскорблением.

Степан ещё раз осмотрел соединение, после чего вытер мокрые руки о штанины и решительно вышел из ванной.

На кухне девушка как раз доставала чашки. Услышав шаги, она обернулась и увидела гостя, который остановился в дверях с чрезвычайно деловым выражением лица.

— Хозяйка! Разводной ключ, отвёртка, может, изолента даже. Если ФУМ-лента есть, вообще шикарно!

Девушка застыла с чашкой в руке.

Она пыталась понять, каким образом мытьё рук могло привести к необходимости срочно искать строительные инструменты. Возможно, что-то случилось с раковиной? Или Степан случайно что-нибудь сломал и теперь собирался устранить последствия?

Она осторожно поставила чашку на стол и удивлённо спросила:

— Вы про что сейчас говорите?

Степан посмотрел на неё с таким изумлением, словно услышал вопрос о том, зачем человеку вообще нужны ноги.

Он указал большим пальцем себе за спину, туда, где находилась ванная, и терпеливо, хотя уже с некоторым раздражением, объяснил:

— Кран у вас, говорю, течёт! Господи, какая ты, а, недалёкая-то! Вот молодёжь пошла. Инструменты, говорю, есть? Кран починю!

Девушка даже не сразу нашлась с ответом.

С одной стороны, совершенно незнакомый мужчина только что назвал её недалёкой, причём сделал это у неё же дома, куда был приглашён на чай. С другой — он, похоже, действительно собирался бесплатно починить сантехнику, о неисправности которой она знала уже несколько дней.

Она вспомнила, как собиралась вызвать мастера, сколько тот запросил за один только приезд, и решила, что небольшие особенности общения вполне можно потерпеть.

— Да вроде есть что-то... Я точно не знаю. Посмотрите в шкафчике в прихожей, там инструменты лежат. Только я не уверена, что именно.

Степан просиял.

Он щёлкнул пальцами обеих рук, изобразил указательными пальцами два пистолета и направил их в сторону девушки. Один воображаемый выстрел пришёлся на холодильник, второй — на чайник, после чего Степан довольно прищурился.

— Ни слова больше! Сейчас всё будет чики-пуки!

Он развернулся и отправился в прихожую с видом человека, которому только что доверили ответственную государственную операцию.

Девушка проводила его взглядом, затем посмотрела на закипающий чайник и почему-то решила пока не разливать чай по чашкам.

Из коридора уже доносился шум открываемых дверец и негромкое Степаново бормотание, в котором отчётливо различались слова «куда засунули», «в хозяйстве пригодится» и «вот это уже по-нашему».

Она вздохнула, присела на табурет и взяла одну из конфет.

Кажется, вечер обещал быть гораздо интереснее, чем она предполагала.

Прошло около двадцати минут, прежде чем из ванной перестали доноситься звуки возни, периодического звяканья инструментов и негромкого Степанова ворчания. За это время он успел не только разобраться с протекающим соединением, предварительно перекрыв воду и подставив найденное ведёрко, но и перебрать остальные доступные соединения, после чего тщательно отмыл сантехнику. Для последнего мероприятия прекрасно подошла кухонная тряпка, которую он обнаружил на полотенцесушителе и без особых сомнений приспособил для уборки.

Закончив, Степан проверил результат, остался доволен и вернулся на кухню, где девушка как раз снимала с плиты кастрюлю с пельменями.

— Всё сделано! Тряпочку потом состирну, а сначала обещанная еда. Я же, получается, жрать хочу, хозяйка-то!

Девушка обернулась и улыбнулась. Ей было даже немного неловко: человек пришёл на чай, а в результате бесплатно починил сантехнику, до которой у неё самой уже давно не доходили руки.

— Да, конечно! Я как раз пельмени доварила. Сейчас всё будет.

Она достала глубокую тарелку, переложила в неё приличную порцию пельменей и поставила перед гостем. Степан немедленно придвинул тарелку поближе, но приступать к еде пока не спешил, поскольку заметил, что хозяйка всё ещё держит в руках половник.

— Вам с бульоном?

Степан утвердительно кивнул, предварительно оценив количество свободного места в тарелке.

— С бульоном.

Девушка налила немного бульона и, вспомнив, что некоторые предпочитают пельмени со сливочным маслом, потянулась к холодильнику.

— Маслица положить?

Степан посмотрел на неё с таким выражением, словно она предложила ему весьма разумное дополнение к уже заключённому выгодному соглашению.

— Положить.

Масло отправилось в тарелку, а девушка, решив окончательно уточнить вкусовые предпочтения гостя, взяла со стола перечницу.

— Перчик насыпать?

Степан снова кивнул, однако на этот раз счёл необходимым пояснить свою позицию.

— Ну раз есть перчик-то, чего бы его не насыпать? Если бы не было перчика, был бы странный вопрос. Конечно, сыпьте!

Девушка улыбнулась и несколько раз встряхнула перечницу над тарелкой, стараясь не переборщить с приправой.

— Вот, пожалуйста, чёрный перец.

Степан укоризненно цокнул языком. Он уже взял ложку, но теперь отложил её, поскольку обнаружил куда более важное обстоятельство, требующее немедленного вмешательства.

— Правильно говорить не чёрный, а афроамериканский.

Девушка рассмеялась и покачала головой. Подобных замечаний от гостей ей ещё слышать не приходилось, а Степан произнёс это настолько серьёзно, словно только что поправил грубейшую грамматическую ошибку.

— Удивительный у вас юмор! Конечно, приятного аппетита. И спасибо, что починили кран!

Степан благосклонно кивнул и наконец приступил к еде. Первый пельмень он прожевал с явным удовольствием, второй предусмотрительно обмакнул в растопленное масло, а третий отправил в рот целиком, предварительно убедившись, что тот не слишком горячий.

Девушка присела напротив и украдкой взглянула на неожиданного гостя. Только теперь до неё дошло, что она не знает, как его зовут. Более того, за последние полчаса он успел защитить её от бывшего, принести домой сломанный стул, починить сантехнику и расположиться за кухонным столом, даже не сочтя нужным представиться.

— А как вас зовут?

Вопрос застал Степана в самый неподходящий момент. Он как раз отправил в рот очередной пельмень и теперь, не желая заставлять даму ждать, аккуратно выплюнул его обратно в тарелку. Затем облизнул губы, вытер рот салфеткой и с чрезвычайно учтивым видом представился:

— Степан. Очень приятно!

Он протянул руку через стол, чуть не задев тарелку с пельменями. Девушка пожала её, стараясь не рассмеяться от всей торжественности происходящего.

— Катя.

Степан удовлетворённо кивнул, отпустил её ладонь и внимательно посмотрел на новую знакомую, словно только теперь получил официальное разрешение рассмотреть её как следует.

— Очень приятно, Катя. Красивая ты всё-таки, Катя! Вот я помню, в детстве мультик смотрел, «Чип и Дейл». Черно-белый, правда. Ну, немножко, конечно, черно-белый. Так-то мультик цветной был, это телевизор у нас черно-белый был.

Он подцепил ложкой очередной пельмень, однако есть не стал, поскольку воспоминание неожиданно оказалось куда увлекательнее содержимого тарелки.

— Вот там Гаечка была. Ты мне её напоминаешь! Ох, как я любил тогда Гаечку, ты не поверишь. Бывало, засыпаешь, рукой подушку гладишь и думаешь: «Гаечка, Гаечка, Гаечка...» Вот так я к технике и приучился! Гаечки, шурупчики, болтики — всё это дело люблю.

Катя расхохоталась.

Она не ожидала, что обычный комплимент может превратиться в признание детской любви к мультяшной мышке, да ещё и закончиться объяснением профессионального интереса к сантехнике. Самое удивительное заключалось в том, что Степан, похоже, действительно считал рассказ вполне романтичным.

— Вы стендапер, наверное?

Степан задумчиво поднял глаза к потолочной лампе.

Слово показалось ему знакомым, хотя точного значения он вспомнить не смог. Возможно, что-то медицинское. Он на всякий случай прожевал пельмень, чтобы ненароком не произнести лишнего, и после небольшой паузы ответил:

— Вообще, я давно не проверялся, конечно. Вот лет восемь назад на работе медосвидетельствование проходил, было такое, да...

Он цокнул языком, припоминая результаты того памятного мероприятия, а затем уверенно покачал головой.

— Но мне таких диагнозов не выставляли.

Катя снова улыбнулась. Она поднялась из-за стола, взяла чайник и слегка наклонила его, проверяя, сколько там осталось воды.

— Ещё чаю?

Степан вздохнул, посмотрел на недоеденные пельмени и с видом человека, которому приходится идти на небольшую, но вполне допустимую уступку, согласился:

— Ну раз есть, чего бы ещё не попить, конечно. Я бы всё-таки чего покрепче предпочёл. Кофе там, коньяк...

Катя поставила чайник обратно на подставку. Вообще-то коньяка у неё не было, зато после недавних гостей в холодильнике оставалась бутылка вина, о которой она совершенно забыла.

— Есть вино.

Степан просиял. Он отложил ложку, расправил плечи и посмотрел на хозяйку с таким уважением, словно она только что произнесла одну из величайших мудростей человечества.

— Хороший тост!

Катя рассмеялась, встала из-за стола и направилась к холодильнику.

Глава 2

После нескольких бокалов вина Степан вдруг замер, словно вспомнил нечто чрезвычайно важное. Он нахмурился, посмотрел в сторону коридора и с досадой хлопнул себя по колену.

— Ох ты, ёксель-моксель! Тряпку забыл постирать, понимаешь?!

Катя удивлённо подняла глаза, не сразу сообразив, о какой именно тряпке идёт речь. Степан же решительно поднялся из-за стола, по-дружески хлопнул её по плечу и с выражением человека, отправляющегося в дальнюю и опасную экспедицию, произнёс:

— Жди меня, и я вернусь!

Он вышел в коридор, оставив Катю размышлять, почему обычная стирка сопровождалась столь торжественным прощанием.

В ванной Степан обнаружил забытую мокрую тряпку, которой совсем недавно отмывал сантехнику. Стиральная машина уже была загружена бельём, что значительно упрощало задачу. Он отправил тряпку к остальным вещам, закрыл люк, выбрал получасовую программу и нажал кнопку запуска.

Степан дождался, пока бельё за стеклом начнёт вращаться, удовлетворённо кивнул и вернулся на кухню, отряхивая руки с таким видом, словно только что закончил капитальный ремонт промышленного предприятия.

— Вот я молодец, а! Постирушка! Постирушка да я! У меня даже в детстве кличка была... Ну да ладно.

Катя улыбнулась, однако расспрашивать о детской кличке не стала. За время знакомства она уже успела заметить, что рассказы Степана нередко уходили в неожиданные стороны, причём возвращаться обратно он не торопился.

Тем временем Степан уселся на своё место, взял бутылку вина и наклонил её над бокалом.

Ничего не произошло.

Он наклонил сильнее, заглянул в горлышко, затем несколько раз встряхнул бутылку, надеясь обнаружить хотя бы небольшие остатки. Убедившись, что вино закончилось, Степан взял стеклянную ёмкость обеими руками и попытался её сжать, словно перед ним находился тюбик зубной пасты, из которого непременно следовало выдавить последнюю каплю.

Бутылка сопротивлялась с достоинством, свойственным качественному стеклу.

Катя, успевшая выпить пару бокалов вина, наблюдала за происходящим с откровенным удовольствием. Ей всё больше нравился этот странный человек, умудрявшийся даже самые обыкновенные вещи превращать в небольшое представление.

— Слушайте, а хотите, я вас буду снимать?

Степан прекратил мучить бутылку. Он медленно повернул голову, приподнял одну бровь и улыбнулся с таким пониманием, будто предложение оказалось несколько неожиданным, но в целом вполне соответствовало его представлениям о гостеприимстве.

— Я вообще мужчина, так сказать, воспитанный, да. Я же, считай, честный этот... как его... католик!

Он поставил бутылку на стол и для убедительности приложил ладонь к груди, подчёркивая серьёзность собственных намерений.

— Ну я так сразу не могу! Мне вот там цветы надо дать, конфетки всякие. Я же не это, не того самого, да. Не «Бабушка лёгкого поведения — 2»! Фильм такой видел.

Катя не выдержала и рассмеялась. Только теперь до неё дошло, в каком именно смысле Степан понял предложение его снимать. Она-то собиралась записать на телефон несколько забавных видео, а гость, похоже, уже мысленно составлял программу ухаживаний, в которой цветы и конфеты являлись обязательными условиями допуска к дальнейшим мероприятиям.

Решив пока не объяснять недоразумение, девушка поднялась из-за стола, открыла кухонный шкафчик и достала коробку «Рафаэлло», оставшуюся после недавнего праздника. Поставив конфеты перед Степаном, она включила чайник.

Степан с интересом посмотрел на коробку, затем на Катю и одобрительно кивнул. Предложение снимать его, видимо, было серьёзным, раз дело уже дошло до конфет.

Катя тем временем убрала пустую бутылку и, вернувшись к столу, устроилась напротив гостя. Ей вдруг стало любопытно, откуда вообще взялся этот удивительный мужчина, который за один вечер успел устроить представление возле подъезда, починить сантехнику, затеять стирку и признаться в детских чувствах к мультяшной мышке.

— А раз вино закончилось, давайте расскажите про себя. Мне очень интересно.

Степан вдруг перестал слушать Катю. Его взгляд переместился куда-то за её плечо, лицо стало сосредоточенным, а указательный палец медленно поднялся вверх. Слегка покачнувшись на табурете, он настороженно произнёс:

— Тихо! Слышишь?

Катя невольно обернулась и тоже прислушалась. В квартире было тихо, если не считать едва различимого шума с улицы. Она даже немного замерла, пытаясь уловить то, что так заинтересовало гостя, после чего шёпотом ответила:

— Нет.

Степан укоризненно цокнул языком и неожиданно хлопнул ладонью по столу. От резкого звука Катя вздрогнула, едва не задев локтем чашку.

— Вот и я не слышу!

Он выдержал многозначительную паузу, словно только что они совместными усилиями установили чрезвычайно важный факт, и добавил уже серьёзно:

— А должно быть слышно. Пойду разберусь.

Степан поднялся из-за стола и направился в ванную, оставив Катю в некотором недоумении. Она ещё раз прислушалась, но ничего подозрительного не обнаружила, а потому решила посмотреть, чем закончится очередная экспедиция её необычного гостя.

Возле стиральной машины Степан остановился и наклонил голову. Прибор вроде бы работал, на панели горел индикатор, а если подойти совсем близко, можно было расслышать негромкое гудение двигателя. Однако барабан за стеклянной дверцей стоял неподвижно.

Степан постучал пальцем по стеклу, немного подождал и неодобрительно покачал головой. Машинка никак не отреагировала на его недовольство, чем окончательно подтвердила возникшие подозрения.

— Катюха! Подойди сюда, чего покажу!

Девушка появилась в дверях ванной и с опаской посмотрела на машинку. За последний час этот человек уже обнаружил одну неисправность, о существовании которой она предпочитала не вспоминать. Теперь, судя по его выражению лица, неприятности продолжались.

— Что тут случилось?

Вместо ответа Степан сунул руку в карман брюк и принялся сосредоточенно там копаться. Пошарив пальцами, он вытащил наружу крепко сжатый кулак и протянул его девушке.

— Вот, открой ладошку.

Катя осторожно взяла его за руку и разжала пальцы. Ладонь оказалась совершенно пустой, что окончательно поставило её в тупик.

— Тут ничего нет.

Степан удовлетворённо кивнул. Именно такого ответа он и добивался, поэтому теперь мог с полным основанием перейти к объяснению.

— Вот видишь? А должно быть!

Катя посмотрела на пустую ладонь, потом на стиральную машину и снова на Степана. Логической связи между этими предметами она не обнаружила, хотя уже начинала подозревать, что в присутствии этого человека искать её было не самым благодарным занятием.

— Это какая-то шарада?

Степан возмущённо фыркнул и убрал руку обратно в карман.

— Это какая-то шняга! У тебя двигатель работает, а барабан не крутится. В этой руке должен быть гаечный ключ уже, женщина! Ремонтировать будем машинку. Сейчас воду сольём. Неси водку, гаечный ключ и тряпку!

Катя отправилась в прихожую, где в шкафчике лежали инструменты, однако почти сразу обнаружила существенное препятствие для выполнения полученного распоряжения. С гаечным ключом проблем не возникло, а вот спиртных напитков в квартире больше не оставалось.

— У меня нет водки.

Степан огорчённо цокнул языком и посмотрел на машинку с таким выражением, будто предстоящие работы внезапно лишились необходимого технического обеспечения.

— Жаль. С ней ремонт быстрее бы пошёл. Ну, попробуем справиться без спиртовых. Хотя стиральную машинку починить, конечно, сложно, но можно.

Он выключил программу, вынул вилку из розетки и принялся осматривать нижнюю часть машинки. Воду предстояло слить через фильтр, расположенный за небольшой крышкой внизу передней панели. Степан прекрасно понимал, что, стоит открутить пробку, вода потечёт прямо на пол, а потому заранее огляделся в поисках чего-нибудь подходящего.

На крючке возле двери висело большое махровое полотенце.

Степан снял его, расстелил перед машинкой и осторожно приоткрыл слив. Вода тут же потекла на полотенце, быстро пропитывая ткань. Когда оно достаточно намокло, Степан закрутил пробку, собрал полотенце и выжал его в стоявшее рядом ведро, после чего снова расстелил на полу.

Катя, наблюдавшая за происходящим, поначалу даже не поняла, что именно он использует вместо тряпки. Но когда до неё дошло, она невольно всплеснула руками.

— Господи, моё полотенце!

Степан посмотрел на неё с искренним недоумением. В его представлении всё происходило как положено: вода собиралась, ведро наполнялось, а полотенце прекрасно справлялось со своими непосредственными обязанностями, пусть даже хозяйка прежде о таких обязанностях не подозревала.

— Спокойно, всё под контролем! Оно тоже имеет свойство стираться. Я однажды по телевизору видел программу научно-популярную, да, там говорили: полотенца стирать можно. Вот такой интересный научный факт!

Катя открыла рот, собираясь что-то возразить, но подходящих слов не нашлось. Спорить с человеком, который ссылался на научно-популярную передачу в защиту мокрого банного полотенца, казалось бессмысленным. К тому же вода действительно никуда не растекалась, а Степан действовал довольно уверенно.

Ещё несколько раз выжав полотенце в ведро, он убедился, что вода перестала вытекать из фильтра, закрутил пробку и убрал ведро в сторону. Затем насухо протёр оставшиеся мокрые места, отодвинул машинку от стены и заглянул за неё.

Задняя панель крепилась несколькими винтами, для которых требовалась подходящая отвёртка. Степан оглянулся на хозяйку, всё ещё переживавшую за судьбу полотенца.

— А крестовая отвёртка есть?

Катя задумалась. В шкафчике действительно лежало довольно много инструментов, однако отличать их друг от друга она привыкла исключительно по внешнему виду, а не по названиям.

— А я не знаю.

Степан поднял указательный палец, мгновенно найдя выход из затруднительного положения.

— О, точно! Пойди и узнай!

Девушка посмотрела на него, затем молча отправилась в прихожую. В коробке обнаружились плоскогубцы, несколько гаечных ключей, моток изоленты и целая россыпь отвёрток. Выбрав ту, у которой наконечник действительно напоминал крестик, Катя вернулась в ванную.

— Вот, кажется, крестовая.

Степан принял инструмент, внимательно осмотрел его и одобрительно кивнул. На этот раз хозяйка справилась с поручением без каких-либо дополнительных объяснений, что заметно подняло её в его глазах.

Открутив винты и сняв заднюю крышку, он почти сразу обнаружил причину неисправности. Приводной ремень, соединявший двигатель с большим шкивом барабана, слетел со своего места и теперь бесполезно лежал внизу корпуса.

Степан присел на корточки и довольно ухмыльнулся.

— Ага! Вот ты где, паразит!

Катя заглянула через его плечо, но ничего особенно примечательного не увидела. Для неё внутренности стиральной машины представляли собой набор совершенно непонятных деталей, назначение которых она не собиралась выяснять до сегодняшнего вечера.

Степан тем временем осмотрел ремень, проверил, нет ли на нём повреждений, и, убедившись, что тот цел, вернул его на шкивы. Прокрутив барабан рукой несколько раз, он проверил, что ремень идёт ровно и никуда не соскальзывает.

Результат его вполне устроил.

Он установил заднюю крышку обратно, закрепил её винтами, после чего задвинул машинку на прежнее место. Ещё раз проверив сухой пол, подключил питание и выпрямился, довольно потирая ладони.

— Ну что, хозяйка, принимай работу!

Катя подошла поближе. Степан включил машинку и запустил программу стирки, после чего оба уставились на круглое окошко, ожидая результата.

Сначала послышалось привычное гудение, затем машинка немного подумала, набрала воду и наконец медленно провернула барабан. Сделав несколько оборотов, тот остановился, после чего совершенно спокойно закрутился в противоположную сторону.

Стирка продолжилась как ни в чём не бывало.

Степан довольно прищурился, сложил руки на груди и с нескрываемым удовольствием полюбовался вращающимся бельём.

— Во! Совсем другое дело! Работает, родимая!

Катя убедилась, что стиральная машина работает, а затем перевела взгляд на Степана. Её удивляло, с какой лёгкостью этот странный человек справлялся с вещами, которые для неё представляли настоящую загадку. Причём делал это так уверенно, словно всю жизнь только и занимался тем, что ходил по чужим квартирам и возвращал технике работоспособность.

— А почему она сломалась-то?

Степан приложил указательный палец к подбородку, слегка приподняв нижнюю губу, и задумчиво посмотрел в потолок. Он застыл на месте, затем цокнул языком, будто наконец установил истинную причину происшествия.

— Да, видимо, белья лишнего оказалось. Нагрузка большая! Трусики, носочки там, вот это вот всё. Машинка, видимо, на четыре килограмма рассчитана, а тут четыре килограмма пятьдесят грамм. Вот ремешок и слетел!

Катя посмотрела на вращающееся за стеклом бельё. Проверять справедливость расчётов она не собиралась, поскольку сама не представляла, сколько весят четыре килограмма мокрых носков, зато результат ремонта был очевиден.

— Спасибо вам большое! Вы такой молодец!

Степан сморщился, словно услышал что-то неприличное. Благодарности он любил, особенно если они сопровождались едой, а вот излишняя официальность в общении его раздражала.

— Ой, не надо вот это на «вы»! У нас на заводе, я помню, да, в девяносто восьмом году все на «вы» были, очень вежливые! У нас даже ругались исключительно на «вы»: выгоню, высушу, выблюдок! Такая интеллигенция была, ой, до сих пор вспоминаю!

Катя с сомнением посмотрела на собеседника. Если Степану действительно было около тридцати пяти, то в девяносто восьмом году он вряд ли успел бы поработать на заводе, разве что его туда устроили сразу после детского сада. Впрочем, за сегодняшний вечер она уже убедилась, что уточнение подобных подробностей могло привести к совершенно непредсказуемому рассказу.

Степан между тем продолжил, нисколько не сомневаясь в достоверности собственных воспоминаний.

— Давайте лучше потыкаемся! Господи, потыкаемся, — сказал! Я говорю, давайте лучше на «ты», чтобы нам всё-таки, как говорится, соединиться этими... флюидами, что ли. Или как они там называются?

Катя, несмотря на выпитое вино, прекрасно расслышала последнее слово. Она прищурилась и посмотрела на Степана с весёлым подозрением.

— Какими ещё флюидами? Вы тут не придумывайте!

Она тут же вспомнила о только что достигнутой договорённости, поправилась и даже погрозила ему пальцем.

— Ты тут не придумывай! Флюиды он придумал! Ишь какой хитрый!

Степан безэмоционально посмотрел на неё, потом чуть повернул голову в сторону и опустил взгляд на пол. Казалось, слово «хитрый» затронуло какие-то далёкие воспоминания, которые до этого спокойно лежали на задворках его памяти.

Внезапно лицо его просветлело.

— А! Точно! Хитрюшка! Кличка у меня такая была, да, в школе, в третьем классе! Я ж тогда в раковину...

Он осёкся, задумался и махнул рукой, решив, что подробности школьной биографии сейчас будут неуместны.

— Ну да ладно, зачем эта лишняя информация? Ох ты господи, дыму-то уже напустили! Ладно, пойдём.

Степан развернулся и направился на кухню, оставив Катю размышлять, что именно он сделал с раковиной в третьем классе и почему это принесло ему прозвище Хитрюшка.

Когда она вошла следом, Степан уже стоял возле мойки и занимался посудой. Вода текла из крана, тарелки одна за другой отправлялись под губку, а сам он время от времени что-то негромко напевал себе под нос.

Катя остановилась возле дверного проёма.

Ещё недавно этот мужчина был для неё незнакомым человеком, который появился возле подъезда со сломанным стулом. Теперь же он успел поесть, выпить вина, починить кран, стиральную машинку и без всякого приглашения приступить к мытью посуды. Причём чувствовал себя настолько естественно, словно прожил здесь уже несколько лет и просто решил наконец заняться домашними делами.

Она хотела пошутить на эту тему, но случайно посмотрела в окно.

Улыбка немедленно исчезла с её лица.

Во дворе, на лавочке возле детских качелей, сидел Сергей. Тот самый, которого Степан совсем недавно отогнал от подъезда при помощи найденного стула. Парень смотрел в сторону дома и, судя по всему, никуда уходить не собирался.

— Господи, там Сергей!

Степан резко перекрыл воду, бросил недомытую тарелку в раковину и вскинул обе руки, словно только что услышал известие государственной важности.

— Как Сергей?! Он самый?! Который вот этот вот Сергей, вот этот вот, который Пушкин?!

Он замер с поднятыми руками, затем медленно опустил их и недовольно поморщился, осознав, что опять произнёс не совсем то, что собирался.

— Господи, Пушкин, — сказал! А про кого ты речь, простите?

Катя даже не улыбнулась. Она продолжала смотреть в окно, наблюдая, как Сергей меняет положение на лавочке, вытягивает ноги и достаёт телефон.

— Мой бывший. Которого ты стулом огрел.

Степан вытер мокрые руки о штаны и подошёл к окну. Он пригляделся к парню на лавочке, затем почесал затылок. Узнав спортивную куртку, он удовлетворённо хмыкнул, но Катя уже не обращала на него внимания.

Они стояли почти плечом к плечу, когда Степан вдруг повернулся к ней.

Девушка почувствовала движение и тоже обернулась. Их взгляды встретились, причём выражение Степанова лица оказалось настолько серьёзным, что Катя невольно приготовилась услышать что-нибудь действительно важное.

— А кто это?

Он тут же нахмурился, сообразив, что ответ на данный вопрос получил буквально несколько секунд назад.

— Господи, «кто это» — хотел спросить! А что делать-то теперь?

Катя тяжело вздохнула и вернулась к столу. Ситуация переставала казаться ей забавной. Сергей уже не первый раз появлялся возле её дома, и сегодняшняя выходка Степана, похоже, нисколько не отбила у бывшего желание продолжать свои визиты.

— Вызову полицию, пускай разбираются, почему он меня преследует!

Степан сел напротив, поставил локоть на стол и задумчиво подпер подбородок ладонью. Он перевёл взгляд с девушки на окно и обратно, после чего покачал головой.

— И интересно, а за что его посадят-то? Его же посадить не за что! Ну сидит человек на лавочке, может, в носу ковыряется. Это ж не преступление! А у тебя ложный вызов, штраф пять тысяч! Да!

Степан говорил с такой убеждённостью, будто лично составлял административный кодекс, причём отдельные статьи придумывал непосредственно во время составления протоколов.

Он выпрямился, цокнул языком и, вспомнив ещё один источник чрезвычайно полезных знаний, многозначительно поднял палец.

— Я вот одну программу смотрел научно-популярную, так там говорили: жертвы нечасто сами садятся. Да. Вот такая вот петрушка выходит.

Катя обдумала его слова, а затем нерешительно подалась вперёд. Сергей по-прежнему сидел во дворе, и мысль о том, что ей придётся остаться одной, совершенно не радовала.

— Слушай, извини, если я многого прошу или хочу, а ты не мог бы остаться? Мне так спокойнее будет. Ну вдруг он ночью в дверь долбиться начнёт? Просто я тебе на полу постелю.

Степан задумался. Его взгляд медленно переместился куда-то в сторону, словно за кухонной стеной внезапно открылись необозримые просторы вселенной, где можно было найти ответ на столь непростой вопрос. Он почесал бровь и с осторожной надеждой посмотрел на хозяйку.

— Может, тогда лучше вместе на кроватке, валетиком? А то я вот помню, на теплотрассе один раз уснул, так у меня до сих пор клещ... Господи, клещ, — сказал! У меня до сих пор спина зажата в одном месте. Я вот иной раз думаю, кто б массажик мне сделал, в благодарность,

например. Я вот недавно давеча в лифте спёр медь, ну немного там было, грамм двадцать. Так я вот тогда узнал...

Катя, до этого внимательно слушавшая рассуждения о больной спине, вдруг насторожилась. Последнее признание не вязалось с образом человека, который за один вечер бесплатно починил ей половину домашней техники.

— Прости, что ты сделал?

Степан осёкся. На мгновение по его лицу пробежала тень человека, который случайно открыл не ту дверь, но уже через секунду он нашёлся и недовольно замахал рукой.

— Давай всё-таки на «ты»! Чего ты мне выкаешь? Мы же не эти, того самого, мы ж люди, чего нам выкать? Вот если б мы волки были, мы бы выли! А тут выкать-то смысла нет!

Катя растерянно моргнула. Её немного смущало, что разговор о возможной краже внезапно превратился в обсуждение особенностей человеческой речи, однако спорить она не стала.

— Да, прости, я забыла. Так о чём мы?

Степан заметно оживился. По всей видимости, напоминание о первоначальной теме позволило ему окончательно восстановить ход собственных воспоминаний.

— Лифт, говорю, я чинил! Не так давно, да, по спецзаказу. И вот тогда ещё подумал: спина у меня ни к чёрту, не буду я на полу спать! Вот ты хоть убей меня, вот здесь молния пусть меня разразит, если я не прав, не буду я спать на полу!

Для убедительности он поднял указательный палец к потолку, но, заметив висящую там люстру, благоразумно опустил руку. Молния, конечно, представлялась событием маловероятным, однако проверять качество электропроводки в третий раз за вечер ему совершенно не хотелось.

Катя вздохнула и виновато кивнула. Она действительно не подумала, что человек, которого она сама попросила остаться, может испытывать какие-то неудобства. К тому же после всех сегодняшних ремонтов Степан вполне заслужил нормальный отдых.

— Прости, прости, я что-то действительно не подумала. Это же мне помощь нужна, а не тебе. Да, я посплю на полу.

Степан посмотрел на неё, затем на кухонный стол, словно там мог лежать заранее подготовленный список возможных спальных мест. Предложенный вариант его тоже почему-то не устраивал.

— А чего, валетиком или раскладушка — не вариант?

Катя покачала головой. Она уже начинала подозревать, что вопрос с ночлегом окажется сложнее, чем ремонт стиральной машины, хотя последняя хотя бы не выдвигала собственных требований.

— Ну, раскладушки у меня нет. А спать с незнакомым мужчиной в одной кровати я не буду.

Степан тяжело вздохнул и опустил голову. Глядя на собственные руки, он вдруг осознал несправедливость своего поведения.

— Согласен! И ты меня прости, я чего-то, бога ради, действительно зазнался! Ой, царём себя тут возомнил! Хожу тут, портянками своими трясу! Так не буду, это не хочу, а вот человеку помочь-то — святое дело всё-таки, на минуточку!

Он укоризненно покачал головой, словно отчитывал самого себя за недостаточную сознательность, и, почувствовав необходимость подкрепить сказанное каким-нибудь весомым жизненным примером, продолжил:

— А как мы помним, я авангардист! Да, известный художник! Вот помню, рассказывали по телевизору про авангардистов, и я подумал, что вещь известная. Я тоже авангард, знаешь, люблю! Вот иной раз берёшь так вилку или ложку и думаешь: силой мысли-то не согнётся! А это уже авангард, на минуточку!

Катя не выдержала и расхохоталась.

Причём рассмешила её даже не последняя фраза, а весь этот невероятный поток мыслей, в котором больная спина каким-то образом соседствовала с медью из лифта, волками, царскими замашками и известными художниками. Степан перескакивал с одной темы на другую настолько естественно, будто между ними действительно существовала очевидная связь, которую только она одна почему-то не замечала.

А сам Степан смотрел на смеющуюся девушку с серьёзным выражением лица, явно не понимая, что именно из сказанного показалось ей настолько забавным.

— Ладно, пойду гляну, что там, как там, где там, что там.

Степан поднялся из-за стола и отправился в гостиную, оставив Катю с приятным ощущением, что вопрос с ночлегом каким-то образом решился сам собой. Правда, каким именно, она пока не понимала.

В гостиной Степан остановился возле дивана и принялся его разглядывать. Диван был довольно большой, с широкими подлокотниками и выдвижной нижней секцией. Степан присел, заглянул под сиденье, нащупал механизм и для начала слегка пнул боковину ногой, проверяя устойчивость конструкции.

Затем он отодвинул диван наискось, освобождая пространство, потянул за нижнюю секцию и обнаружил, что та стоит на собственном каркасе с колёсиками. Разобравшись с креплениями, Степан выкатил её полностью, отсоединил от основного корпуса и передвинул к противоположной стене. Оставшаяся часть дивана, после того как он уложил спинку, тоже представляла собой вполне приличное спальное место.

Теперь вместо одного большого дивана в комнате располагались две отдельные кровати, между которыми можно было совершенно спокойно пройти.

Степан отошёл на пару шагов, оценил результат и довольно потёр ладони.

Катя всё это время наблюдала за ним из дверного проёма с каким-то неожиданным умилением. Удивительно, но человек, который ещё недавно серьёзно обсуждал с ней возможность сгибать ложки силой мысли, теперь вполне профессионально разбирался с мебелью, причём даже не спросил, где у неё лежит инструкция.

— Ну чё, хозяйка, будет у нас по кровати! Интересно, у тебя вторая подушка есть? Мне под поясницу иной раз. Я уже намекал тебе, что массаж нужен, но ты как-то это, не смекнула, видимо. Ну это нормально. У меня, знаешь, тоже образование не до конца высшее. Девять классов!

Катя улыбнулась и отправилась за постельными принадлежностями. Из шкафа она достала две подушки, чистые простыни, одеяла и покрывало, после чего принялась застилать оба спальных места. Степан предусмотрительно отошёл в сторону, решив не мешать хозяйке заниматься делом, в котором она, судя по уверенным движениям, разбиралась ничуть не хуже него в сантехнике.

Когда постели были готовы, Катя поправила край одеяла и задумчиво посмотрела на гостя.

— Скажите, а вас... Ой, извини, пожалуйста, опять на «вы» перехожу! Скажи, а дома тебя искать не будут? Может, позвонить кому-нибудь, предупредить нужно?

Степан задумчиво почесал коленку. Вопрос, судя по всему, требовал некоторого осмысления, поскольку он даже присел на край дивана и уставился на собственные тапочки, которые Катя любезно выдала ему ещё после ужина.

Наконец он поднял голову.

— А у тебя телефон есть?

Катя немного удивилась. Вопрос показался ей странным, поскольку она предполагала, что Степан просто назовёт человека, которому нужно позвонить. Впрочем, телефон действительно находился у неё под рукой.

— Да, конечно.

Она достала смартфон, разблокировала его и протянула Степану. Тот принял аппарат, повертел в руках, разглядывая экран, а затем деловито уточнил:

— А у тебя какой оператор?

Катя присела на свою половину бывшего дивана и машинально поправила подушку, пытаясь понять, какое значение оператор имеет для предстоящего разговора.

— Билайн.

Степан удовлетворённо кивнул, открыл приложение для звонков и уверенно набрал четыре цифры: 0697.

Приложив телефон к уху, он дождался соединения и стал внимательно слушать. Через несколько секунд приятный автоматический голос сообщил ему состояние счёта:

«Ваш баланс составляет одну тысячу восемьсот сорок два рубля тридцать семь копеек».

Степан одобрительно приподнял брови, дослушал сообщение, завершил вызов и вернул телефон хозяйке.

— Небедно живёшь, небедно!

Катя взяла смартфон и озадаченно посмотрела на экран. Она ожидала услышать хотя бы имя человека, которому Степан собирался звонить, но вместо этого получила весьма неожиданную оценку собственного материального положения.

А Степан уже поднялся с дивана, поправил подушку, которую заботливо подложил себе под поясницу, и, довольный проделанной работой, обернулся к девушке.

— Ну что, мадемуазель, спокойной ночи?

Катя ещё раз поправила одеяло, устроилась поудобнее и выключила свет. Комната погрузилась в темноту, которую немного разбавлял тусклый свет уличного фонаря, пробивавшийся сквозь шторы. После столь необычного вечера ей хотелось только одного — спокойно выспаться, желательно без новых открытий в области сантехники и бытовой техники.

— Спокойной ночи, Степан.

Степан уже успел повернуться к ней спиной и устроить вторую подушку под поясницей. Услышав пожелание, он немного повозился под одеялом и сонно пробормотал:

— И вам туда же.

Катя улыбнулась в темноте. Даже обычное пожелание спокойной ночи этот человек умудрялся превратить во что-то своеобразное. Впрочем, усталость быстро взяла своё, и вскоре она задремала.

Минут через двадцать её разбудили странные звуки.

Сначала Катя даже не поняла, что именно слышит. Какие-то глухие хлопки, повторявшиеся с подозрительной регулярностью. Она замерла, прислушиваясь, пока в голову не пришла неприятная мысль: Сергей!

Она резко открыла глаза, отдёрнула одеяло и прислушалась внимательнее. Звуки доносились не из коридора, а совсем рядом.

Катя нащупала выключатель настольной лампы, стоявшей на небольшой тумбочке, и включила свет.

Увиденное заставило её замереть.

Степан полусидел на своей постели, с чрезвычайно сосредоточенным выражением лица держа в руке тапок. Этим самым тапком он ритмично шлёпал по одеялу где-то в районе собственных бёдер и паха, словно пытался добиться от лежавшего под ним чего-то чрезвычайно важного.

Заметив, что Катя проснулась и смотрит на него во все глаза, Степан на мгновение прекратил своё занятие.

Их взгляды встретились.

После небольшой паузы он снова принялся шлёпать тапком по одеялу, теперь ещё и сопровождая каждый удар настойчивым требованием:

— Вставай! Вставай! Девочка уже смеётся!

Катя не выдержала и рассмеялась. Особенно её развеселило совершенно серьёзное выражение Степанова лица, словно происходящее представляло собой необходимую утреннюю процедуру, просто немного не совпавшую по времени с наступлением утра.

— Слушай, ты постоянно меня смешишь! Как тебе это удаётся?

Степан отложил тапок, задумчиво посмотрел на девушку и с некоторой гордостью ответил:

— Фамилия у меня такая. Смарчёк... Ой, господи, смарчёк, говорю! Этот...

Он нахмурился, почесал затылок и попытался вспомнить, что собирался сказать.

— Ничего себе! Представляешь, фамилия из головы вылетела! Вот беда-то, а!

Катя продолжала улыбаться. Ей показалось особенно забавным, что человек способен забыть собственную фамилию, но при этом безошибочно помнить, где находится гаечный ключ, как устроен привод стиральной машины и что полотенца, согласно научно-популярным передачам, вполне допускается стирать.

Она немного приподнялась на локте, поправила волосы и поинтересовалась:

— Ну а проснулся-то ты чего? Не спится?

Степан посмотрел на часы, стоявшие возле телевизора, потом на собственный живот и с таким видом, будто сейчас собирался сообщить результаты продолжительных научных исследований, объяснил:

— Да как чего? Предчувствие у меня странное! Тем более уже почти полночь. Я думаю, надо бы нам устроить ночной жратеньки!

Для убедительности он приложил ладонь к животу и немного помолчал, словно ожидал, что тот самостоятельно подтвердит сказанное.

— Чего-то животик, слышу: буль-буль-буль, буль-буль-буль! И вот подумал внезапно: а не покушать бы нам в ночное время?

Катя посмотрела на него с удивлением. После довольно внушительной порции пельменей, конфет и вина она не испытывала голода. Более того, мысль о том, чтобы среди ночи снова отправляться на кухню, казалась ей несколько странной.

— Да я вообще после шести не ем обычно.

Степан одобрительно кивнул, будто услышал весьма разумное правило, которое полностью соответствовало его собственным взглядам на здоровое питание.

— Так правильно! Шести утра ещё нет! У нас вся ночь впереди!

Он вытащил из-под поясницы подушку, сел ровнее и, окончательно проникшись перспективой предстоящего мероприятия, продолжил:

— Заодно поболтаем, расскажешь о своей невероятной судьбе, пока я ем. Я ведь как думаю: вот сидишь ты, кушаешь вкусное чего-нибудь, желательно с мясом, пожирнее...

Степан ненадолго задумался, словно мысленно составлял меню, в котором жирность блюда являлась основным показателем его питательной ценности. Внезапно его осенило.

— Кстати, водочка так и не нашлась, да?

Катя отрицательно покачала головой, а Степан огорчённо вздохнул. Впрочем, отсутствие водки нисколько не уменьшило его желания поужинать, и он почти сразу вернулся к первоначальной мысли.

— И вот я думаю: это же здорово, послушать о человеке! Чтобы он всё рассказал как есть, так сказать, без купюр. Ну, если купюры есть, я тоже не откажусь!

Он довольно улыбнулся, явно удовлетворённый удачным завершением собственной мысли, и посмотрел на Катю в ожидании ответа.

Катя разглядывала его, не зная, как отреагировать на такое предложение. Ещё полчаса назад они собирались спать, а теперь Степан предлагал среди ночи устроить ужин, за которым она должна была рассказать историю своей жизни.

И ведь самое удивительное, что она уже почти перестала этому удивляться.

Катя вздохнула, откинула одеяло и с улыбкой поднялась с постели.

— Ой, ну хорошо! Давай я тебе что-нибудь приготовлю.

Глава 3

Катя подскочила на кровати от душераздирающих криков, доносившихся из коридора. Спросонья она даже не сразу поняла, где находится, но, обнаружив пустую постель Степана, окончательно проснулась. Крики повторились, сопровождаясь какими-то подозрительными хлопками, после чего девушка вскочила и поспешила выяснить, что происходит.

Картина, представшая её глазам, заставила остановиться прямо посреди прихожей.

Входная дверь была распахнута настежь, а возле порога Степан зажал между ног голову согнувшегося Сергея и с необычайным усердием шлёпал его ладонью по заднице.

— Будешь ещё так?! Будешь?! Будешь?! Будешь ещё так?!

Сергей отчаянно дёргался, пытаясь освободиться, но положение оказалось крайне неудобным. Каждая попытка выпрямиться заканчивалась очередным шлепком, а Степан, судя по всему, собирался продолжать воспитательную беседу до полного взаимопонимания.

— Господи! Что здесь происходит?!

Услышав Катю, Степан прекратил своё занятие и разжал ноги. Сергей немедленно отшатнулся назад, едва не споткнувшись о порог. Лицо его было красным, уши пылали, а выражение глаз свидетельствовало о глубочайшем возмущении произошедшим.

— Да вы больные уроды! Ты вообще кто такой, мразь?!

Степан укоризненно цокнул языком и повернулся к Кате, словно она застала его за самым обыкновенным домашним делом, не требующим особых объяснений.

— Вот странный всё-таки народ, домушники! Залезть к нам хотел домой! Я ему говорю: не ходи сюда, я муж, считай, уже одной ногой туда! А он всё ходит, ходит! «Ой, где моя любовь?!» Какая любовь?! Люди отдыхают, между прочим! Совесть-то иметь надо!

Сергей, окончательно выпрямившись, открыл было рот, собираясь возразить, но Степан внезапно повернулся к нему и щёлкнул пальцем по носу.

Молодой человек отпрянул, прижав ладонь к лицу, а Степан уже снова обращался к Кате, задумчиво приподняв указательный палец.

— Я же как считаю: если человек не способен с первого раза понять мысль, то мысль либо философская, либо научно-популярная!

Катя смотрела на обоих мужчин, пытаясь разобраться в случившемся. Сергей явно снова явился выяснять отношения, однако как именно разговор превратился в столь необычное воспитательное мероприятие, оставалось непонятным.

Сам Сергей, похоже, тоже не вполне осознавал, что с ним произошло. Он поправил сбившуюся куртку, провёл рукой по волосам и отступил на несколько шагов, предусмотрительно увеличивая расстояние между собой и Степаном.

— Я вообще не знаю, что здесь происходит! Но если ты ко мне не вернёшь аккаунт, вам обоим не поздоровится! Поняли?! Дебилы!

Последние слова он выкрикнул уже с лестничной площадки, окончательно решив, что продолжать разговор с этим ненормальным человеком не имеет никакого смысла.

Степан высунулся из дверного проёма, проводил его взглядом и с откровенным презрением протянул:

— Ой-ой-ой! Напугал ежа голой попой!

Убедившись, что Сергей действительно уходит, он вернулся в квартиру и закрыл дверь на замок.

Катя всё ещё стояла посреди прихожей. У неё накопилось столько вопросов, что она даже не знала, с какого начать. Хотелось выяснить, когда Сергей успел прийти, почему Степан открыл ему дверь и каким образом бывший ухажёр оказался в положении провинившегося школьника, которого наказывают за разбитое окно.

Однако Степан уже спокойно поправил майку, отряхнул ладони и посмотрел на неё с выражением человека, успешно завершившего утренние хозяйственные хлопоты.

— А есть чё покушать?

Катя смотрела на Степана так, словно только сейчас до конца осознала, что произошло в её собственной прихожей. Сергей, конечно, вёл себя отвратительно, но происходившее на пороге всё равно выглядело чрезмерным даже с учётом его настойчивости.

— Какой покушать?! О чём ты вообще говоришь? Ты только что Серёжу избил! Ты убить его мог!

Степан невозмутимо прошёл мимо неё на кухню, по дороге поправив съехавшую майку. Обвинение показалось ему несколько преждевременным, поскольку Сергей ушёл своими ногами, громко ругался и даже успел пригрозить неприятностями, что, по мнению Степана, свидетельствовало о вполне удовлетворительном состоянии его здоровья.

— Ну, знаете ли, убил не убил, а следствие порешает там, кто из нас прав, а кто виноват. Вообще так-то, на минуточку, он в дверном замке ковырялся! Возможно, отмычкой, я не проверял. У меня вообще навыка, кстати, домушника нету.

Катя остановилась посреди кухни. Сведения о дверном замке оказались для неё куда более тревожными, чем очередной поток Степановых рассуждений. Она-то думала, что Сергей просто пришёл выяснять отношения, как делал уже не раз.

— В смысле, он домой ко мне залезть хотел?! Вот урод!

Степан тем временем открыл холодильник, достал упаковку сосисок и выложил её на стол. Затем нашёл небольшую кастрюлю, набрал в неё воды и поставил на плиту. Только после этого он повернулся к Кате, поскольку последнее определение её бывшего показалось ему не вполне справедливым.

— Ну как урод? Такой нормальный, симпатичный. Вот если бы я девочкой был лет семнадцати, я бы ему... — Степан задумался, разглядывая упаковку сосисок. — Хотя нет. Я вот как думаю: если тебе семнадцать лет, незнакомым мужчинам вообще ничего давать не стоит. Ни денег, ни ключей от квартиры. Особенно ключей. А то войдёт такой, а потом попробуй объясни…

Он протяжно цокнул языком, посмотрел на кастрюлю и, по-видимому, остался доволен неожиданно сформулированным жизненным правилом.

— Вот такая вот интересная мысль.

Катя хотела что-то ответить, но случайно взглянула на настенные часы и едва не вскрикнула. Вся эта утренняя суматоха выбила её из привычного распорядка, а на работу, между прочим, никто не отменял необходимость являться вовремя.

— Блин! Я же опаздываю!

Она поспешила в комнату, на ходу собирая волосы. Степан проводил её взглядом, пожал плечами и занялся сосисками, поскольку к чужому рабочему графику никакого отношения не имел.

Пока Катя умывалась, одевалась и приводила себя в порядок, вода успела закипеть. Степан отправил сосиски в кастрюлю, дождался, пока они прогреются, и выловил половником, который обнаружил в ящике возле плиты. Судя по тому, насколько уверенно он распоряжался кухонной утварью, за прошедшие сутки он окончательно перестал воспринимать эту квартиру как чужую.

Катя вернулась уже полностью одетая для работы. Она успела накраситься, уложить волосы и теперь поправляла блузку, разглядывая себя в небольшое зеркало возле кухонной двери.

Степан тем временем как раз перекладывал готовые сосиски из кастрюли в тарелку. Занятие требовало некоторой осторожности, поскольку одна из сосисок норовила соскользнуть с половника обратно в воду.

— Ну как тебе?

Катя слегка повернулась, демонстрируя свой наряд, и вопросительно приподняла брови. Степан отвлёкся от сосисок, внимательно осмотрел девушку с ног до головы и одобрительно кивнул.

— Каравелла просто! Которая прошла, так сказать, по морям. Да, она... Помнишь песню же? Она прошла как каравелла по этим... как его, господи... морям!

Он на мгновение замолчал, пытаясь поймать ускользнувшую мысль.

— Она прошла, как каравелла, по зелёным волнам. Прохладным ливнем после жаркого дня. Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она. Чтоб посмотреть, не оглянулся ли я.

Самое удивительное заключалось в том, что пел он довольно приятно. Без особого голоса, конечно, но с таким искренним удовольствием, что Катя невольно заслушалась. Даже сосиска, которую Степан всё это время удерживал в половнике, благополучно дождалась окончания небольшого музыкального выступления.

Катя улыбнулась. Комплимент получился необычным, но приятным. И почему-то именно сейчас она подумала, что за всеми нелепыми фразами и бесконечными шутками этого человека скрывалось гораздо больше, чем можно было предположить при первом знакомстве.

Впрочем, часы неумолимо напоминали о необходимости поторопиться. Она взяла сумочку, проверила телефон и направилась к выходу.

— Всё, мне пора. Так, слушай, Степан, ты тогда закройся, а ключ под коврик закинь. Была рада с тобой познакомиться, но мне правда пора, прости.

Катя положила запасной ключ на тумбочку возле входной двери и принялась надевать туфли. Степан поставил тарелку на стол и с пониманием кивнул. Работу он уважал, особенно чужую, поскольку собственные отношения с трудовой деятельностью в последнее время складывались несколько сложнее.

— Хорошего дня. Хорошего!

Катя улыбнулась ему на прощание и поспешила к выходу. Через несколько секунд хлопнула входная дверь, а затем с лестничной площадки донёсся удаляющийся стук каблуков.

Степан остался один.

Убедившись, что Катя ушла, он придвинул тарелку, уселся поудобнее и взял вилку. Сосиски выглядели вполне аппетитно, а впереди, судя по всему, намечалось свободное утро. Подобное сочетание обстоятельств Степан считал одним из немногих убедительных доказательств того, что жизнь всё-таки прекрасна.

Он подцепил одну сосиску, вспомнил собственное пожелание Кате и вдруг протяжно, почти нараспев произнёс:

— Хорошего, хорошего, хорошего тебе аппетита, Степан... как тебя там?

Степан остановился, задумчиво посмотрел на вилку и нахмурился, словно обнаружил очередную досадную неисправность, на этот раз в собственной голове.

— Господи, как тебя там... Ну, без фамильярностей!

После этого он спокойно откусил сосиску.

Автобус неторопливо двигался по утренним улицам, то и дело останавливаясь на светофорах. Катя сидела у окна, придерживая на коленях сумочку, и рассеянно наблюдала за прохожими. После всего случившегося ей хотелось хотя бы немного обычного, спокойного утра, без скандалов, сломанной мебели и мужчин, способных за несколько минут превратить любую ситуацию в совершенно непредсказуемое представление.

Из динамиков над кабиной водителя негромко играло радио. Закончились новости, ведущий бодро пожелал слушателям хорошего дня, и зазвучала знакомая мелодия.

Катя не сразу обратила на неё внимание, но, услышав припев песни Максима Леонидова «Видение», неожиданно улыбнулась. Это была та самая песня о случайной встрече, когда двое оглядываются друг на друга, надеясь убедиться, что их интерес оказался взаимным.

Она тут же вспомнила Степана, стоявшего посреди её кухни с половником в руке и совершенно серьёзно сравнивавшего её с каравеллой. Забыл половину слов, перепутал несколько образов, а потом вдруг взял и запел, да ещё с таким чувством, словно всю жизнь только и ждал подходящего случая.

От этого воспоминания на душе почему-то стало тепло.

Надо же, остались ещё романтичные мужчины, — подумала Катя, поправляя выбившуюся прядь волос.

Конечно, Степан был странноват. Даже очень. Но ведь за всем этим нелепым поведением чувствовалась какая-то удивительная непосредственность. Он не пытался казаться лучше, чем был, не изображал успешного бизнесмена, не рассказывал о собственных достижениях и вообще, кажется, не особенно заботился о том, какое впечатление производит.

Зато за один вечер успел сделать для неё больше полезного, чем Сергей за последние несколько месяцев.

При воспоминании о бывшем настроение немного испортилось. История с аккаунтом никак не желала заканчиваться. Сергей действительно вкладывал деньги в продвижение её страницы в Instagram, оплачивал рекламу, помогал с оформлением и первое время даже занимался поиском рекламодателей. Но ведь это был её аккаунт, её фотографии, её подписчики и её работа. Никто не заставлял Сергея тратить деньги, а теперь он требовал передать ему страницу целиком, словно речь шла о телевизоре, который можно забрать после расставания.

Катя вздохнула и посмотрела на часы.

Автобус как раз подъезжал к нужной остановке.

До офиса она добралась почти вовремя. По привычке заглянула в небольшую кофейню на первом этаже бизнес-центра, купила капучино и поднялась на свой этаж, где её уже ожидали привычные утренние хлопоты.

В кабинете пахло кофе и недавно включёнными компьютерами. Оля сидела за своим столом, просматривая рабочую почту, а Марина стояла возле окна с телефоном в руке, явно собираясь кому-то позвонить.

Заметив Катю, Оля отодвинула клавиатуру и с интересом посмотрела на подругу.

— Ну что, как вчера прошло? Сергей опять объявлялся?

Катя поставила стаканчик с кофе возле монитора, сняла жакет и устроилась за своим столом. Рассказывать всё подряд ей не хотелось, особенно подробности знакомства со Степаном, но скрывать очередное появление Сергея тоже не имело смысла.

— Объявлялся. И вчера, и сегодня утром. Опять требовал аккаунт вернуть. Говорит, раз он деньги вкладывал, значит, страница теперь его.

Марина оторвалась от телефона и повернулась к ней. Историю с аккаунтом она знала достаточно хорошо, поскольку ещё несколько месяцев назад советовала Кате ничего не передавать Сергею без письменных договорённостей.

— Да сколько можно-то? Он вообще понимает, что аккаунт твой? Ну вкладывал деньги, и что теперь? Ты ему тоже время уделяла, между прочим. Может, счёт выставить за каждый ужин?

Оля одобрительно усмехнулась, но Катя лишь пожала плечами. Ситуация давно перестала казаться ей забавной, тем более что Сергей всё настойчивее пытался добиться своего.

— Да я уже устала от него. Вчера вообще возле подъезда пристал, не отпускал. Хорошо хоть мужчина один вмешался, а то не знаю, чем бы всё закончилось.

Оля немедленно оживилась. Рабочая почта потеряла для неё всякую привлекательность, поскольку в рассказе неожиданно появился новый мужчина, а это обстоятельство требовало гораздо более пристального внимания.

— Какой мужчина?

Катя отпила кофе и невольно улыбнулась. В памяти снова возник Степан со своим многострадальным стулом, однако подробности вчерашнего столкновения она благоразумно решила опустить.

— Да обычный мужчина. Шёл мимо, увидел, что Сергей пристаёт, и заступился. Потом помог мне пакеты донести, я его чаем угостила. Представляете, он ещё кран в ванной починил! И стиральную машину заодно.

Марина удивлённо приподняла брови. Последнее обстоятельство впечатлило её значительно сильнее, чем сама история знакомства.

— Подожди, он тебе стиральную машину починил? Просто так?

Катя кивнула, с некоторым удовольствием вспоминая, как уверенно Степан разбирался с техникой. Правда, рассказ о том, что для слива воды он использовал её любимое банное полотенце, она тоже решила оставить при себе.

— Да! Представляешь? Она у меня перестала работать, барабан не крутился. А он посмотрел, разобрал, что-то там поправил, и всё заработало. И денег никаких не взял.

Оля откинулась на спинку кресла и посмотрела на Марину с таким выражением, будто только что получила подтверждение давно известной ей истины.

— Катюха, ты вообще понимаешь, что это твой шанс? Нормальный мужик, рукастый, заступиться может, ещё и технику ремонтирует! Где ты такого откопала?

Катя рассмеялась. Если бы подруга знала, где именно она его откопала, вопрос наверняка прозвучал бы несколько иначе.

— Да возле мусорки, можно сказать. Он там стул нашёл, представляешь?

Оля молча смотрела на неё, пытаясь определить, шутит подруга или рассказывает совершенно серьёзно. Затем переглянулась с Мариной и пожала плечами.

— Ну и что? Хозяйственный зато! Другой бы мимо прошёл, а этот видит, что вещь хорошая. У меня бывший вообще ничего дома не ремонтировал. У нас выключатель полгода искрил, так он говорил, что это дизайнерская подсветка!

Марина рассмеялась, вспомнив эту историю, а потом придвинула к себе свободный стул и села рядом с Катей.

— Слушай, а он хоть симпатичный?

Вопрос оказался неожиданно сложным. Катя задумалась, пытаясь представить Степана не в привычном вчерашнем окружении из сломанного стула, кухонных принадлежностей и сантехнических инструментов, а просто как мужчину.

— Ну... нормальный. Лет тридцати пяти, наверное. Немного помятый такой, но глаза добрые. И разговаривает очень смешно. Постоянно что-нибудь перепутает, потом сам себя исправляет. Я вчера столько смеялась, сколько за последний месяц не смеялась!

Оля довольно закивала, словно в рассказе наконец обнаружилась самая важная подробность.

— Вот! А я тебе что говорила? Мужчина должен женщину радовать, а не нервы трепать! Сергей твой вечно ходил с таким лицом, будто ему все вокруг должны. А этот и рассмешил, и помог, и ничего взамен не потребовал!

Катя хотела заметить, что некоторые предложения Степан всё-таки делал, особенно относительно массажа и совместного размещения на кровати, но решила не усложнять разговор. Тем более что ничего особенно настойчивого в его поведении не было. Пошутил, получил отказ и спокойно принял предложенный вариант.

Марина тем временем задумчиво покрутила в руках телефон.

— А чем он занимается? Где работает?

Катя открыла рот, собираясь ответить, и неожиданно поняла, что не знает.

Степан успел рассказать ей про завод, лифт, медь, третьий класс, научно-популярные передачи и какие-то совершенно невероятные события из собственного прошлого, но чем именно зарабатывает на жизнь сейчас, так и осталось загадкой.

— Слушайте, а я даже не спросила. Он вроде сантехником работал. Или работает. Я не поняла, если честно.

Оля посмотрела на неё с лёгким укором, но довольно быстро сменила выражение лица на снисходительную улыбку.

— Ну вот в следующий раз и спросишь. Главное, что руки откуда надо растут. А странности у всех имеются. Ты думаешь, нормальных мужиков вообще без причуд выпускают? Их же не на заводе по ГОСТу собирают!

Катя улыбнулась и опустила взгляд на свой стаканчик с кофе.

В словах подруг действительно что-то было.

Степан, конечно, производил впечатление человека непредсказуемого, но ведь никто не требовал, чтобы мужчина с первого дня знакомства соответствовал каким-то идеальным представлениям. У каждого есть недостатки, привычки, особенности характера. Главное, чтобы человек был хороший.

А Степан, похоже, действительно был хорошим.

Да и вообще, любого мужчину можно немного исправить, — подумала Катя, неожиданно поймав себя на том, что уже рассматривает подобную возможность вполне серьёзно.

В конце концов, если человек способен самостоятельно разобраться со стиральной машиной, то уж с собственными привычками при небольшом женском участии как-нибудь справится.

Оставалось только выяснить, какие именно привычки придётся исправлять.

Катя сделала последний глоток кофе, поставила пустой стаканчик в сторону и включила компьютер. Оля вернулась к рабочей почте, Марина вспомнила о несостоявшемся звонке, и кабинет постепенно наполнился привычным стуком клавиатур.

Но спустя несколько минут Катя неожиданно снова улыбнулась.

Перед глазами почему-то возник Степан, стоящий на кухне с половником и искренне поющий старую песню.

Всё-таки удивительный мужик, — подумала она.

Рабочий день постепенно подходил к концу, однако сосредоточиться исключительно на служебных обязанностях Кате так и не удалось. Оля с Мариной периодически возвращались к утреннему разговору о её неожиданном знакомом, причём к обеду обсуждение окончательно вышло за пределы сантехнических способностей Степана.

Подруг интересовало буквально всё, начиная с того, насколько он хорош в постели, и заканчивая предположениями, не относится ли он к тем мужчинам, которые обходят секс-шопы за километр, опасаясь случайно увидеть в витрине что-нибудь, способное поколебать их представления о приличиях.

Особенно старалась Оля, обладавшая удивительной способностью превращать любой разговор о мужчинах в обсуждение их достоинств, причём достоинства эти далеко не всегда касались характера.

— Ты главное потом расскажи, какой он на самом деле! А то с виду хозяйственный, рукастый, а как до серьёзного дела дойдёт, окажется, что он только краны закручивать умеет!

Катя рассмеялась и покачала головой. Подобные перспективы казались ей несколько преждевременными, поскольку ещё вчера утром она даже не подозревала о существовании человека по имени Степан.

Марина, услышав последние слова подруги, оторвалась от монитора и с видом знатока внесла собственное замечание:

— Между прочим, мужчина, который умеет обращаться с инструментами, уже заслуживает определённого уважения. А всему остальному при необходимости можно научить!

Оля немедленно согласилась с этим утверждением, после чего обе принялись обсуждать, насколько далеко могут простираться способности человека, который за один вечер успел починить несколько бытовых приборов и бесплатно вымыть посуду.

Катя предпочла больше не участвовать в разговоре. Она улыбалась, слушала подруг вполуха и время от времени возвращалась мыслями к событиям вчерашнего вечера.

Степан действительно был странным человеком. Настолько странным, что временами его поведение не поддавалось никакому разумному объяснению. Однако при этом он оказался отзывчивым, довольно умелым и, что особенно удивительно, совершенно не стремился произвести хорошее впечатление.

Он просто жил, как ему вздумается.

Правда, подобная независимость от общественного мнения иногда принимала невероятные формы, но Катя уже начала подозревать, что именно в этом и заключалась значительная часть его обаяния.

Когда рабочий день наконец закончился, она попрощалась с подругами, забрала сумочку и отправилась домой.

По дороге Катя постепенно пришла к выводу, что, скорее всего, больше никогда не увидит Степана. Телефонами они не обменялись, адреса его она не знала, да и сам он не проявлял особенного желания продолжать знакомство. Просто появился в её жизни, устроил небольшой переполох, починил всё, до чего смог добраться, и остался где-то позади вместе со своими невероятными рассуждениями.

От этой мысли почему-то стало немного грустно.

Ну и ладно. Хороший человек встретился, помог. Не обязательно же каждое знакомство должно во что-то перерастать.

Она вышла из автобуса, по привычке заглянула в небольшой магазин возле остановки и направилась к дому, размышляя, что приготовить на ужин.

Однако, приблизившись к подъезду, Катя неожиданно заметила знакомую фигуру.

На детской площадке, устроившись на качелях, сидел Степан.

Он неторопливо раскачивался, отталкиваясь ногами от земли, и с чрезвычайно задумчивым выражением лица разговаривал сам с собой. Причём разговор, судя по отдельным долетавшим до Кати словам, касался исключительно важных вопросов музыкального искусства и мужской привлекательности.

— Всё-таки Газманов красивый. Не такой, конечно, как Путин красивый. Но всё-таки, как он говорил: эскалон моих мыслей шальных.

Степан покачал головой, явно восхищённый глубиной вспомнившейся ему музыкальной мысли, и немного сильнее оттолкнулся ногами.

Качели тихонько скрипнули.

Катя невольно улыбнулась. Она уже успела соскучиться по этой удивительной манере рассуждать, при которой невозможно было предсказать, каким окажется следующее предложение.

Подойдя поближе, она остановилась возле качелей и приветливо произнесла:

— Привет, а ты что тут делаешь?

Степан не обратил на неё никакого внимания.

Он продолжал раскачиваться, увлечённо разглядывая носки собственных ботинок, и вдруг запел, явно продолжая начатые музыкальные воспоминания:

— Ты морячка, я моряк. Ты пьёшь пиво, я коньяк, мы не встретимся никак.

Последние слова он протянул особенно выразительно, словно в них заключалась вся трагедия двух людей, которым никак не удавалось встретиться из-за принципиальных разногласий в выборе напитков.

Катя уже собиралась повторить приветствие, когда Степан наконец поднял голову и заметил её.

Он немедленно затормозил качели ногами, отчего подошвы ботинок прочертили по земле две короткие полосы. На лице его отразилась искренняя радость, которая, впрочем, почти сразу сменилась некоторой озабоченностью.

— Ух ты, ёшкин, а я же тебя жду!

Катя удивлённо приподняла брови. Услышать подобное было приятно, особенно учитывая, что ещё несколько минут назад она была уверена в окончании их знакомства.

Но Степан почему-то не спешил радоваться встрече. Он поднялся с качелей, поправил майку и, немного помявшись, заговорил с непривычной для него осторожностью:

— Там ситуация с квартирой нелепая совершенно. Я, честно говоря, не виноват вообще. Ну, честно.

Катина улыбка начала медленно исчезать.

Степан между тем задумчиво посмотрел куда-то в сторону дома, словно пытался отыскать среди окон убедительное подтверждение собственной невиновности, после чего продолжил:

— Я вот так думаю: если человек не виноват, то он же получается по природе, тут ни при чём. Верно же я говорю?

Катя почувствовала, как внутри неприятно похолодело.

Слово «квартира» в сочетании с настойчивыми заверениями в невиновности представляло собой настолько тревожную комбинацию, что ей немедленно вспомнились и стиральная машинка, и разобранный диван, и тот самый стул, который Степан с удивительным упорством возвращал к жизни.

Причём теперь все эти воспоминания почему-то приобрели иной смысл.

— Что?

Она ждала объяснений, но Степан лишь переминался с ноги на ногу, судя по всему, не представляя, с какой стороны лучше подступиться к неприятной новости.

Катя глубоко вдохнула. Воображение уже услужливо нарисовало ей затопленную квартиру, сломанную мебель и соседей, требующих немедленного возмещения ущерба.

— Мать твою!

Степан приподнял брови, однако комментировать столь эмоциональное заявление не решился.

Катя сделала шаг вперёд и, пристально глядя ему в глаза, наконец произнесла то, что интересовало её значительно сильнее всех рассуждений о природе человеческой невиновности:

— Что ты сделал с квартирой?!

Степан всмотрелся в Катю, пытаясь понять причину её волнения, а затем щёлкнул пальцами, словно только что вспомнил чрезвычайно важное обстоятельство.

— А! Я ж не рассказывал! Ну точно, я ж чувствую, что-то недорассказал важного! В общем, история была в тысяча девятьсот девяностом году. Я родился. Вот такая история!

Он удовлетворённо кивнул, однако, заметив выражение Катиного лица, тут же нахмурился и досадливо махнул рукой.

— Господи, я родился, — говорю! Надо было чуть позже, да?

Катя тяжело вздохнула. Она уже начала привыкать к своеобразной манере Степана рассказывать истории, но сейчас ей хотелось получить хотя бы один внятный ответ. Девушка подняла руку и несколько раз покрутила ладонью, всем своим видом показывая, что неплохо было бы ускориться и наконец перейти к сути.

Степан понял её жест по-своему, решив, что собеседница просит подробнее объяснить обстоятельства происшествия.

— Значит, вижу я твой фен, изолентой жёлтой перевёзаной. Перевёзаной, — говорю! Вообще, на самом деле, я вот как думаю: перевёзаной говорю, правильно говорить перевязанной. Но не суть.

Катя переступила с ноги на ногу. Она прекрасно помнила свой старый фен, который уже несколько месяцев держался на честном слове и жёлтой изоленте, однако никак не могла понять, какое отношение он имеет к загадочной ситуации с квартирой.

Степан между тем увлечённо продолжал:

— Ну, понимаю, беда. Значит, снимаю я эту всю изоленту, откручиваю оставшиеся живые болты. У тебя, кстати, крестовая отвёртка прямо в руке лежит! Ой, красиво! Ну да не суть. Вот, значит, раскручиваю я всё, открываю, понимаю — бочонок сломан!

Он изобразил пальцами что-то небольшое и цилиндрическое, очевидно, пытаясь продемонстрировать размеры повреждённой детали.

— Иду в магазин, покупаю клей «Момент». Иду к тебе в шкафчик, смотрю — сода есть. И вот клеем капаю, ставлю сломанный бочонок, оставшийся вот этот кусочек, можно сказать, одна треть! Ничего живого нет! Но да не суть.

Катя почувствовала, как терпение начинает покидать её. Степан стоял перед ней, явно довольный собой, рассказывал о каких-то пластмассовых бочонках, клее и соде, словно проводил экскурсию по собственным воспоминаниям, тогда как ей уже мерещились пожарные машины возле подъезда.

— Скажи, пожалуйста, что случилось с квартирой? Пожалуйста, скажи мне, у меня сейчас сердце в пятки ушло! Что случилось? Коротнуло что-то? Взорвалось? Квартира сгорела? Что случилось?!

Степан посмотрел на неё с лёгким раздражением. Ему показалось довольно странным, что человек, которому рассказывают столь увлекательную историю о ремонте бытового прибора, постоянно перебивает рассказчика совершенно посторонними вопросами.

— А я вот и говорю! Значит, смотрю, бочонок-то сломанный, пластик-то обломанный. Ну вот как? Суперклей, сода — всё это дело, значит, восстанавливаем! Потом саморез, который непосредственно конструкцией производителя соблюдён и предусмотрен. Его ж обратно вкрутить надо! И вот сидишь, значит, возишься, сдуваешь лишнее, опять клеишь. Буквально пять часов — бочонки все целые!

Он развёл руками, демонстрируя масштабы проделанной работы, и с некоторой гордостью добавил:

— Саморезы потом выкручиваешь, смотришь — всё отлично! Ставишь обратно всю конструкцию и закручиваешь. Красота!

Катя ошарашенно смотрела на него. Пять часов ремонта фена казались ей невероятным занятием, особенно для человека, которому она даже не поручала ничего подобного. Но теперь её беспокоило уже не столько время, потраченное на ремонт, сколько возможные последствия этих технических экспериментов.

— И получается, после этого пожар произошёл?

Степан удивлённо вскинул брови и замахал руками, категорически отвергая подобное предположение.

— Нет! Дело не в этом! Дело в том, что после этого тут же главное что? Понять, в чём причина была!

Он поднял указательный палец, придавая дальнейшим словам особенную значимость.

— А там феном ты когда, видимо, рукой крутила, там затылок, висок, вот это вот всё менялось, положение. Может быть, провод рукой держала, к чему я склоняюсь. Провод и перегнулся! Ну, я разобрался с проводом, с контактами там, всё привёл в порядок. А бочонки-то

уже новые, как я рассказывал до этого очень красочно в деталях! И получается, обратно всё соединил, включаю — фен работает!

На лице Степана появилась довольная улыбка. Он явно ожидал, что Катя сейчас оценит его старания, поскольку восстановление практически безнадёжного фена представлялось ему событием, достойным как минимум небольшой благодарственной речи.

Но девушка думала о другом.

— Я тебе сейчас ударю! С квартирой что?!

Она произнесла это настолько решительно, что Степан даже немного отстранился. Потом тяжело вздохнул, посмотрел куда-то поверх её головы и с совершенно искренним возмущением развёл руками.

— Господи, как ты меня достала со своей квартирой! Да ничего с ней не случилось! Я тебе про фен рассказываю!

Катя замерла.

Катя молчала, пытаясь осмыслить услышанное. Квартира была цела. Ничего не сгорело, ничего не взорвалось, никто не затопил соседей. А этот человек уже который раз возвращался к истории про фен, в то время как она мысленно успела похоронить всё своё имущество.

Степан же, не замечая пережитого девушкой потрясения, продолжил с прежним воодушевлением:

— И про ситуацию! Что после починки фена я понимаю, что ты придёшь домой, а жрать тебе нечего! Понимаешь? Ты придёшь и такая подумаешь: «А что мне жрать?» И будешь в стенку, как кот, смотреть!

Он внезапно замолчал, повернул голову к ближайшей стене дома и уставился на неё совершенно неподвижным взглядом.

— А кот, ты знаешь, как в стенку смотрит? Вот так, в упор!

Для убедительности Степан даже немного вытянул шею, продолжая демонстрировать поведение воображаемого животного. Наконец он моргнул, вернул голове обычное положение и снова обратился к Кате.

— Мне жалко тебя стало, думаю, бедная барышня! С работы придёт, уставшая, голодная, а дома хоть шаром покати. Вот я и подумал, что надо человеку помочь. В общем, пошёл, продуктов тебе купил, приготовил всё!

Он указал большим пальцем в сторону подъезда и улыбнулся так непосредственно, словно только что сообщил о естественном поступке, который на его месте совершил бы любой нормальный человек.

— Вот, пойдём, я тебя накормлю! Вот сижу, жду тебя, когда ты придёшь с работы.

Глава 4

Катя открыла дверь своим ключом и вошла, всё ещё мысленно перебирая Степанов рассказ о происшествии с квартирой. Квартира, как выяснилось, была цела. Фен тоже. И где-то среди этих замечательных новостей затерялось главное: человек, которого она вчера впервые увидела со стулом возле мусорных контейнеров, зачем-то провёл здесь целый день и теперь собирался кормить её ужином.

Из гостиной пахло чесноком, тёплым хлебом и чем-то ещё, неожиданно аппетитным. Катя разулась, заглянула за дверной проём — и остановилась. Степан, шедший следом, едва не уткнулся ей в спину.

На журнальном столике стояли тарелки с закусками. Сыр был нарезан тонкими ломтиками, помидоры черри лежали рядом с зеленью, на поджаренном хлебе красовались аккуратные бутерброды. Между ними разместились небольшие мисочки с соусами и салат, уложенный так старательно, словно овощи перед подачей прошли инструктаж.

Посреди стола ждали две широкие тарелки с пастой. Макароны лежали ровными гнёздами под сливочным соусом, поверх которого Степан натёр сыр. Даже салфетки он сложил треугольниками.

Катя посмотрела на стол, затем на человека за своей спиной. Тот успел почесать поясницу и теперь изучал сервировку с видом мастера, которому указали на плохо покрашенный забор.

— Что это?

Степан скривился, будто вопрос подтвердил его худшие опасения.

— Согласен, конфузно вышло. Я ж не шеф-повар какой-нибудь. Так, пару лет увлекаюсь этой... Ну, готовкой, короче.

Он поправил вилку, лежавшую чуть наискосок, и отступил на шаг. Теперь она лежала ровно. Вопрос, судя по всему, был решён.

— Я вот думаю: чего лапшу просто в кастрюле сварить? Её ж красиво подать можно! В интернете всего полно. Я, конечно, твой трафик потратил, извиняюсь сильно. Полтора часа рецепты смотрел у поваров известных. Как зовут — не помню. Да и не суть.

Катя взяла одну салфетку, развернула и снова сложила. С первого раза у неё получился не треугольник, а нечто, напоминавшее сложенную вдвое квитанцию. За день, когда она успела подумать, что больше никогда его не увидит, Степан изучил рецепты, сходил за продуктами и устроил у неё в квартире почти ресторан.

— И всё это ты один приготовил?

Он посмотрел на неё с усталостью человека, у которого только что потребовали документы на каждую макаронину.

— Катюх, ну ты задолбала вопросами. Давай уже жрать, пока красиво!

Она всё-таки рассмеялась. Вопросов было два, и оба, по её мнению, вполне законные. Впрочем, спорить о количестве вопросов, стоя перед таким ужином, показалось делом неблагодарным.

Катя сняла жакет, повесила его на спинку кресла и огляделась, ища, за что бы взяться. На кухне было чисто, стол накрыт, даже хлеб уже нарезан. От этого почему-то стало неловко: она вернулась в собственный дом и оказалась здесь единственным человеком, которому нечего делать.

— Ну хоть помогу чем-нибудь. Напитки достать? Или тарелки переставить?

Степан перехватил её руку на полпути к салатнице — осторожно, двумя пальцами за рукав, чтобы она, чего доброго, не нарушила порядок.

— Ничего не трогай! Всё предусмотрено. Я тебе мартини купил и джин-тоник. В интернете прочитал, что молодые бл... Господи, девушки любят такое. Так что садись, хозяйка, не мешай торжественному мероприятию.

Катя задержала на нём взгляд. Слова он оборвал вовремя, но не настолько, чтобы она не догадалась, какие собирался произнести. И всё же куда сильнее её занимало другое: сколько усилий Степан потратил на вечер, о котором его никто не просил.

— Ты меня, случаем, не подкалываешь? Мол, гость тебе еду приготовил, а ты сама даже не подумала его покормить?

Степан растерялся. Он заглянул в тарелку с пастой, как будто искал там следы скрытого упрёка, и умолк.

— Странные вы всё-таки, папура... папу... Тьфу, слово вылетело.

Его лицо сосредоточилось. Он даже приложил палец к губам, словно помогал слову выбраться наружу.

— Папуасы! Вот! Выговорил! Смотри, Катюха, какое слово хорошее. Папуасы!

Радость от собственной победы продержалась недолго. Степан нахмурился, припоминая, к чему вообще собирался употребить это слово, и обиженно махнул рукой.

— Сбила ты меня. Я ж говорю: люди старались, человечество рецепты изобретало, а она стоит, подозревает чего-то! Ешь уже, не порти науку!

Катя уселась на диван. Объяснять, что рецепты придумало человечество, а подозревала она лично Степана, не имело смысла. К тому же паста ещё дымилась.

Первую вилку она попробовала осторожно. Соус оказался сливочным, с лёгким запахом чеснока. Мясо было мягким, а макароны — именно такими, какие она любила: не разваренными, но и не жёсткими. Катя взяла ещё немного, на этот раз уже без осторожности.

Степан ел напротив, не особенно интересуясь впечатлением хозяйки. Только когда она задержала вилку над тарелкой, поднял глаза. В его взгляде мелькнула тревога — короткая, не похожая на обычную уверенность.

— Вкусно, — сказала Катя и потянулась к салату. — Даже не представляю, как ты это сделал. Ты, может, у поваров каких-нибудь учился?

Он перестал жевать, посмотрел на неё с недоумением и чуть наклонил голову.

— У кого?

Катя поспешно подняла ладонь. Ещё одна история о заводе, детстве или телевизионной передаче могла затянуться до полуночи, а ей впервые за день хотелось просто спокойно поесть.

— Всё. Молчу. Просто вкусно.

Степан одобрительно кивнул и вернулся к пасте. Салат тоже оказался хорошим. Катя попробовала бутерброд и обнаружила, что хлеб ещё немного хрустит. На работе она привыкла перехватывать обед на бегу и ужинать перед телефоном; сейчас же весь вечер словно нарочно устроили для того, чтобы никуда не торопиться.

Она осмотрела стол, аккуратные салфетки, две тарелки, Степана с вилкой в руке. Никакого праздника сегодня не было. Во всяком случае, она о нём не знала.

— Слушай, а здорово ведь. Просто вечер, обычный день — а тут такое. Можно, оказывается, и без повода.

Степан поднял указательный палец. Подобное заявление, судя по его виду, требовало немедленного исторического опровержения.

— Как это без повода? День восстания Бастилии! Я передачу смотрел, научно-популярную. По РЕН ТВ. Там, значит, французы...

Он замолчал, пытаясь вернуть на место разбежавшиеся подробности. Катя успела отрезать кусочек помидора, пока Степан вспоминал французов. В его воображении почему-то возникли пушки, шляпы и какой-то господин с длинным носом, но связать их воедино не удавалось.

— Вот как тебе объяснить-то... — Он досадливо щёлкнул языком. — Тупая ты, Катюха, ничего не понимаешь!

Катя положила вилку. Она уже привыкла, что Степан мог оскорбить собеседника по дороге к другой мысли, но привычка ещё не означала удовольствия.

— А вот обзываться не надо. Ты сам забыл, что хотел сказать.

Он посмотрел на неё, потом на собственный поднятый палец. Палец пришлось опустить: аргументов больше не осталось.

— Ну, бывает, — признал Степан. — История — наука сложная. Особенно если по телевизору вечером показывают.

За едой ненадолго воцарилось молчание. Катя не стала возвращаться к Бастилии, а Степан, вполне довольный закрытием исторического вопроса, потянулся к бутылке, которую поставил у края столика. Налил себе немного водки, аккуратно завинтил крышку.

Катя заметила бутылку только сейчас. Вчера он несколько раз интересовался крепкими напитками, а сегодня решил обеспечить себя самостоятельно.

— Так ты ещё и выпить купил?

Степан даже не сразу понял, почему это её удивило. Он указал в сторону кухни, где стояли остальные покупки, и укоризненно покачал головой.

— Я ж тебе сказал: мартини, джин-тоник. Для тебя позаботился! А это уже, так сказать, для технического персонала.

Он собрался было продолжить, но вдруг тихо хмыкнул.

— Чуть не сказал «позапопился»! Вот язык-то, паразит.

Катя потянулась за бокалом. Ей хотелось спросить, откуда у Степана деньги, что он делал до знакомства с ней и почему так спокойно распоряжается чужой квартирой. Но начинать с денег после приготовленного ужина казалось неловким. Она решила подойти к вопросу издалека.

— Степан, мы ведь почти ничего друг о друге не знаем. Ты мне весь дом починил, еду приготовил, а я даже понятия не имею, где ты работаешь. Расскажи хоть немного о себе.

Он как раз отправил в рот пасту и, услышав просьбу, удивлённо вскинул брови.

— А я не рассказывал?!

Сказал он это слишком поспешно. Несколько крошек упало на стол, и Степан, досадливо поморщившись, собрал их кончиками пальцев. Катя отвела глаза. Вчера она бы, пожалуй, ужаснулась, но сегодня решила, что у каждого человека должны оставаться какие-то недостатки. Иначе зачем вообще знакомиться?

Он прожевал, промокнул губы салфеткой и сел ровнее, будто готовился к обстоятельному докладу.

— Значится, было так. Август. Или февраль. Я точно не помню, но ближе к декабрю. Ландыши, по-моему, цвели. Так что июль, однозначно.

Катя отложила вилку. За время этой короткой фразы в рассказе успели смениться почти все времена года. Степан же, судя по довольному выражению лица, наконец установил важную дату.

— А в июле у нас что? — Он наклонился к ней, не дожидаясь ответа. — Нет, не угадала! Не Пасха!

Она действительно ничего не говорила. И всё равно оказалась неправа.

— Выключай комика, — попросила Катя, стараясь не засмеяться. — Я серьёзно. Просто расскажи, откуда ты.

Степан медленно поставил вилку. На лице его ещё оставалась привычная усмешка, но глаза неожиданно стали внимательными. Он посмотрел на Катю так, будто только сейчас расслышал её вопрос.

— Дело смутное, Катюх. По всем газетам писали. Я, правда, не читал, но представляю примерно.

Катя подалась вперёд. От него наконец прозвучало что-то похожее на начало настоящей истории. Она даже пожалела о своём «комике» — вдруг человек действительно собирается поделиться чем-то неприятным?

Степан провёл ладонью по затылку. За окном проехала машина, на секунду осветив стену комнаты фарами.

— Иду я, значит, спокойно. И тут — бац! Ничего не помню. Вообще ноль! Только имя осталось. Степан. Ну и заусенец на мизинце, представляешь? Кутикула, если по-научному!

Катя нахмурилась. Заусенец плохо вязался с рассказом о потере памяти, но сам Степан произнёс последнее с таким видом, будто речь шла о главной улике.

— В смысле?

Он обрадованно хлопнул себя по колену.

— Коромысле!

Собственная находчивость так его развеселила, что он не сразу сумел продолжить. Катя же ждала, пока смех закончится, разглядывая край салфетки у своей тарелки.

— Отвлёкся, — признался Степан наконец и поднял палец. — Вот такая история, а ты говоришь!

На этом его рассказ, похоже, завершился. Он потянулся за бутербродом. Катя проводила его руку взглядом и поняла, что ещё немного — и она сама начнёт разговаривать загадками.

— Какая история? Ты же ничего не рассказал. Степан, я хочу знать, кто ты. Без этих твоих фокусов.

Он перестал жевать. Ещё минуту назад он охотно путался в месяцах и вспоминал французскую историю; теперь вдруг словно устал от разговора.

— А как я тебе расскажу?

Катя ждала продолжения. Степан опустил глаза к тарелке, поправил вилку, которую сам же сдвинул, и произнёс уже тише:

— Если я не хочу.

В гостиной стало непривычно спокойно. С улицы донёсся стук закрывшейся автомобильной двери. Катя впервые за весь вечер не могла решить, шутит он или нет. Впрочем, вопрос её был ясным, и ответ тоже.

— То есть ты всё понимаешь? — Она скрестила руки. — Просто не хочешь? Ну тогда, может, пойдёшь из моей квартиры, раз разговаривать со мной не собираешься?

Сказала она это сердито, но без настоящего намерения выставить его за дверь. Степан, однако, внимательно посмотрел сначала на неё, потом на недоеденную пасту. Потерять ужин из-за собственной принципиальности показалось ему решением необдуманным.

— Ладно, убедила, настырная. Расскажу. Только ты слушай, а не перебивай всё время.

Он откинулся на спинку дивана. Катя приготовилась слушать и даже подвинула бокал, чтобы ничто не отвлекало. Степан сделал долгую паузу; столько серьёзности от него она ещё не видела.

— Дело было в Камбодже. Война. Кругом опоссумы, товарищи погибают... Один, значит, другого тащит. А тот стонет: «Бобби, я ног не чувствую!»

Показывая, как именно тащили товарища, Степан ухватил воображаемого человека под мышки и едва не сдвинул локтем тарелку. Катя машинально придержала её. Теперь она уже окончательно перестала понимать, каким образом он мог оказаться в Камбодже.

Он выпрямился, нахмурил брови и басом закончил:

— «Так у тебя их нет, Бобби!»

Катя смотрела на него с вилкой в руке. Степан выдержал паузу, как артист, ожидающий аплодисментов, и спокойно вернулся к еде.

— Фильм такой помню. А дальше — ничегошеньки.

Она долго молчала. Если он действительно потерял память, кое-что начинало объясняться: путаница с датами, странные рассказы, забытая фамилия. Но тогда откуда у него столько подробностей о заводе, детстве и работе? И почему любое объяснение превращается в анекдот именно в тот момент, когда доходит до самого важного?

— Подожди. Ты хочешь сказать, тебе негде жить? Ты правда не помнишь, что с тобой было?

Степан кивнул. Он взял салфетку, аккуратно вытер пальцы и чуть задумался, словно только теперь примерил к себе предложенную Катей версию.

— Получается так.

Ответ был до обидного удобным. Катя посмотрела на остатки ужина, на бутылку, на сложенные треугольниками салфетки. Человек, который сумел всё это устроить, не мог вспомнить, где живёт? Но ведь и свою фамилию он вчера действительно не назвал.

— Ты же рассказывал мне про детство, — напомнила она. — Про школу, про завод. Как ты можешь всё это помнить, если память потерял?

Степан не нашёл в вопросе ничего затруднительного. Он даже расправил плечи, словно Катя сама наконец подсказала правильное решение.

— Так детство-то я помню! Маленький бегал, голопопик. Один раз по траве несусь, штаны на ходу теряю. И думаю: ну всё, взрослую жизнь начал, теперь отвечать придётся!

Он задумался, проверяя, насколько убедительно прозвучало воспоминание, и тут же поправился:

— Хотя вру, конечно. Штаны на мне были. Это я для красоты приукрасил. Искусство, Катюха, оно без вымысла не бывает!

Катя опустила голову и потёрла лоб. От его ответов ничего не прояснилось. Более того, теперь ей казалось, что Степан способен придумать убедительное объяснение буквально всему — кроме собственных объяснений.

За окном совсем стемнело. На часах было уже поздно, и после рабочего дня усталость наконец взяла своё. Катя собиралась ещё раз спросить его, где он ночует обычно, но увидела, как Степан зевает, и передумала. Этот вопрос никуда не денется до утра. По крайней мере, она на это надеялась.

— Ладно, на сегодня с меня хватит. Пора спать.

Степан не возражал. Он поднялся с дивана, осторожно обошёл стол и направился к своему спальному месту — той половине дивана, которую вчера сам отделил от основного корпуса. По дороге остановился, проверил, не попалась ли под ноги оставленная им тапочка, и отодвинул её к стене.

Катя достала постельные принадлежности. Он уже устроился на спине и с серьёзным видом следил, как она поправляет одеяло. Без разговоров выглядел гораздо спокойнее; странно было даже видеть, что он умеет так долго молчать.

Когда Катя собралась выключить лампу, Степан осторожно приподнял палец.

— А можно в лобик поцеловать? Я ж память-то потерял, понимаешь. Может, меня это успокоит. На глубине души чувствую, что поможет.

Катя задержалась возле кровати. Ещё недавно он отказывался рассказывать о себе, а теперь просил о какой-то простой, почти детской ласке. Она не знала, стоит ли ему верить, но спорить перед сном уже не хотелось.

— Странный ты всё-таки, — тихо сказала она.

Она наклонилась, легко коснулась губами его лба и поправила край одеяла. Степан довольно прикрыл глаза; впервые за вечер не последовало ни замечания, ни анекдота.

— Спокойной ночи.

Он только устроил подушку поудобнее под поясницей и повернулся на бок. Через минуту его дыхание стало ровным.

Катя постояла в полумраке, потом вернулась к столу. Остались закуски, стаканы, тарелки и салфетки, которые теперь уже не были похожи на аккуратные треугольники. Она перенесла еду на кухню, накрыла оставшееся и убрала в холодильник. Степан успел вымыть посуду после готовки, так что работы оказалось меньше, чем она ожидала.

Тёплая вода тихо шумела из крана. Катя сполоснула бокалы, поставила тарелки в сушилку и вытерла столешницу. Делала всё привычно, почти не глядя. Из гостиной доносилось только Степаново сопение.

Взяв последнюю вилку, она вдруг остановилась.

Совсем недавно её жизнь была устроена просто: работа, магазин по дороге домой, переписка с подругами, надоевшие претензии Сергея по поводу аккаунта. Даже неприятности шли примерно по расписанию.

А теперь у неё в гостиной спал мужчина, о котором она почти ничего не знала. Вчера он пришёл с выброшенным стулом. Сегодня починил фен, купил продукты, приготовил ужин, объявил о потере памяти и попросил поцеловать его в лоб. И всё это казалось ему самым естественным порядком вещей.

Катя положила вилку в сушилку, выключила воду и посмотрела в сторону гостиной. Она не знала, есть ли у Степана дом, работа и кто-нибудь, кто ждёт его возвращения. Зато знала, что он не любит выбрасывать вещи, умеет чинить технику и способен разговаривать о собственной жизни часами, не сообщив о ней почти ничего.

Самое странное было даже не это. Она сама впустила его, оставила ночевать, села за приготовленный им ужин, укрыла одеялом. А теперь мыла посуду и думала, не захочет ли он утром кофе.

Катя опёрлась ладонями о край мойки.

Что здесь вообще происходит?

Ответа на этот вопрос Катя так и не нашла.

Из гостиной вдруг донеслись странные хлопки. Сначала один, затем ещё несколько, причём с такой подозрительной регулярностью, словно кто-то методично выбивал пыль из небольшого коврика.

Катя замерла с тарелкой в руках и прислушалась.

Хлопки повторились.

Она осторожно поставила тарелку в сушилку, вытерла руки полотенцем и направилась в гостиную. За последние два дня девушка уже успела убедиться, что любые необычные звуки в её квартире теперь следовало связывать прежде всего со Степаном. Однако на этот раз ей совершенно не хотелось выяснять, какую очередную хозяйственную необходимость он обнаружил посреди ночи.

Заглянув в комнату, Катя остановилась в дверях.

Степан полусидел на своей постели, держа в руке тапок, которым с чрезвычайно сосредоточенным выражением лица шлёпал по одеялу. Занятие, судя по всему, требовало немалого терпения, поскольку каждый удар сопровождался настойчивым требованием:

— Вставай! Вставай! Девочка уже смеётся!

Катя молча следила за происходящим.

Степан, заметив её присутствие, на мгновение прекратил своё занятие, посмотрел на девушку и, словно убедившись, что теперь у него действительно появилась публика, снова приподнял тапок.

Но продолжить ему не позволили.

— Опять! Так, хватит!

Катя произнесла это настолько резко, что Степан замер с поднятой рукой.

Она стояла возле дверного проёма, глядя на человека, которого ещё вчера не знала. Все события последних двух дней вдруг представились ей в каком-то ином свете. Сломанный стул, бесконечные ремонты, странные разговоры, внезапно приготовленный ужин и теперь вот это ночное представление с тапком.

Причём самое удивительное заключалось в том, что Степан, похоже, не видел во всём происходящем ничего необычного.

— Пошёл вон отсюда! — решительно продолжила Катя. — Я вообще не знаю, кто ты такой и почему ты тут поселился!

Степан опустил тапок.

Он вгляделся в Катю, проверяя, не передумает ли она. Затем пожал плечами, отложил тапок на край постели и спокойно поднялся.

— Ладно.

Ни возмущения, ни попыток оправдаться не последовало.

Степан поправил сбившуюся майку, нашёл возле дивана свои носки и, натянув их, направился в прихожую. По дороге он машинально поправил прислонённый к стене стул, у которого всё ещё подозрительно держалась одна ножка, после чего принялся обуваться.

Катя проводила его взглядом.

Такой покорности она не ожидала. Более того, теперь ей почему-то стало неловко, хотя ещё минуту назад она была абсолютно уверена в справедливости собственного возмущения.

В конце концов, человек действительно потратил время на приготовление ужина. Купил продукты, старался, сервировал стол. Выгонять его, не рассчитавшись хотя бы за покупки, представлялось ей некрасивым поступком.

Она вышла следом в коридор и остановилась возле обувной полки.

— Деньги за обед я тебе сейчас верну.

Степан как раз заканчивал натягивать второй ботинок. Услышав предложение, он удивлённо поднял голову, взглянул на Катю и недоумённо развёл руками.

— Какие деньги-то? Я их у тебя же и взял, под простынями! Чтоб пожрать купить. Вообще, сначала на клей взял, фен чинить. А потом уже подумал, думаю, надо бы приготовить чего-нибудь!

Он удовлетворённо кивнул, словно только что объяснил совершенно очевидную последовательность хозяйственных мероприятий, и принялся поправлять язычок ботинка.

Катя застыла.

Катя пыталась осмыслить услышанное. Затем медленно перевела взгляд в сторону гостиной, где находилась её постель.

— Что?!

Вопрос прозвучал почти шёпотом.

По выражению Катиного лица он, видимо, догадался, что объяснение оказалось недостаточно убедительным. Он тяжело вздохнул и медленно провёл ладонью по лицу, словно перед ним стояла чрезвычайно сложная задача, требующая особенного подхода.

— Да как тебе объяснить-то...

Он опустил руку, задумчиво посмотрел на потолок и уже собирался продолжить, когда Катя вдруг шагнула к входной двери.

— Пошёл вон!

Степан спускался по лестнице, придерживаясь за перила и негромко ворча себе под нос. Он уже миновал второй этаж, когда вдруг остановился, хлопнул себя ладонью по лбу и с искренним ужасом воскликнул:

— Пиджак забыл!

Он застыл на лестнице, пытаясь вспомнить, где именно оставил столь необходимую вещь. В памяти почему-то всплыли найденный возле мусорных контейнеров стул, тарелка с пастой и

Катя, которая напоследок весьма недвусмысленно попросила его покинуть квартиру. Пиджака среди этих воспоминаний не обнаружилось, что заставило Степана задумчиво почесать затылок.

— Или не было такого!

Придя к этому вполне удовлетворительному выводу, он пожал плечами и продолжил спуск, уже не переживая о судьбе предмета гардероба, существование которого так и не удалось установить.

Выйдя из подъезда, Степан остановился и с удовольствием вдохнул прохладный вечерний воздух. Во дворе было довольно тихо, лишь возле припаркованной неподалёку машины разговаривали двое молодых людей. Одного из них он узнал почти сразу, поскольку спортивная куртка и неприятная привычка появляться возле Катиного дома уже успели прочно закрепиться в его памяти.

Сергей тоже заметил знакомую фигуру. Он выпрямился, толкнул стоявшего рядом приятеля локтем и с выражением человека, которому неожиданно улыбнулась удача, произнёс:

— На ловца и зверь бежит!

Степан посмотрел на него без особенного интереса, зато второй молодой человек привлёк его внимание значительно сильнее. Парень был довольно крепкого телосложения, с короткой стрижкой и заметно оттопыренными ушами, которые при вечернем освещении выглядели особенно выразительно.

Степан вдруг широко раскрыл глаза, отшатнулся на полшага и, вытянув в сторону незнакомца указательный палец, пронзительно завизжал неожиданно тоненьким голосом:

— А-а-а! Люди! Спасайтесь! Чебурашка!

Крик получился настолько искренним, что Сергей на мгновение даже растерялся, не сразу сообразив, кого именно его знакомый успел испугаться. Зато второй парень прекрасно понял, что обращение имеет самое непосредственное отношение к особенностям его внешности.

Лицо молодого человека мгновенно изменилось. Он оттолкнулся от машины и быстрым шагом направился к Степану, который тем временем продолжал с любопытством разглядывать его уши, словно перед ним находился редкий представитель животного мира, случайно забредший в обычный городской двор.

Подойдя вплотную, парень без лишних разговоров ударил Степана кулаком в челюсть.

Однако ожидаемого результата не последовало. Степан даже не пошевелился, только слегка прищурился и посмотрел на обидчика с таким недоумением, будто тот только что попытался привлечь его внимание каким-то чрезвычайно невоспитанным способом.

Не успел молодой человек понять, почему противник остался стоять на месте, как Степан коротко махнул рукой и нанёс ответный удар ребром ладони сверху вниз. Парень сразу обмяк и рухнул на землю, потеряв сознание.

Сергей, до этого наблюдавший за происходящим возле машины, на мгновение застыл, не веря собственным глазам. Затем, увидев лежащего приятеля, разъярённо бросился вперёд и с разбега ударил Степана ногой в грудь.

Степан вновь остался стоять неподвижно.

Он опустил взгляд на место удара, затем посмотрел на Сергея и с некоторым сожалением пожал плечами. Видимо, молодёжь окончательно разучилась нормально разговаривать, предпочитая решать любые возникающие вопросы при помощи конечностей.

Особенно его огорчало, что подобная манера общения становилась всё более распространённой среди людей, с которыми ему приходилось знакомиться.

Не обнаружив причин продолжать эту бессмысленную дискуссию, Степан повторил прежнее движение рукой. Сергей не успел отступить и через мгновение оказался на земле рядом со своим приятелем.

Степан молча разглядывал обоих молодых людей, пытаясь понять, каким образом обычная прогулка от подъезда успела превратиться в столь неприятное общественное мероприятие.

Затем неодобрительно цокнул языком, поправил майку и покачал головой.

— Ну вот, поговорили! А я, между прочим, даже познакомиться толком не успел!

Недолго думая, Степан подошёл к лежавшим молодым людям и, поочерёдно подхватив каждого под мышки, перетащил их к ближайшей лавочке. Первым он усадил Сергея, предусмотрительно прислонив его спиной к деревянной спинке, а второго пристроил рядом таким образом, что тот почти сразу завалился приятелю на плечо. Степан немного поправил обоих, подвинул одного поближе к другому и остался доволен получившейся композицией, которая теперь напоминала двух чрезвычайно уставших друзей, решивших отдохнуть после продолжительного праздника.

Отойдя на несколько шагов, он внимательно осмотрел результат, затем приложил указательный палец к подбородку, слегка приподняв нижнюю губу. Вечер был довольно прохладный, а оставлять людей на улице без должного внимания Степан считал поступком совершенно безответственным. Он даже задумался, не укрыть ли молодых людей пледом, поскольку простудить человека после столь неприятного знакомства представлялось ему верхом невоспитанности.

Он повернулся к припаркованной машине, открыл дверь и принялся осматривать салон в надежде обнаружить что-нибудь подходящее. Однако ни на заднем сиденье, ни среди прочих вещей пледа не оказалось, что вызвало у Степана искреннее разочарование. Хозяева автомобиля, видимо, не задумывались о том, что однажды им может понадобиться укрыть двух товарищей, неожиданно утративших способность самостоятельно передвигаться.

Закрыв дверь, Степан неодобрительно покачал головой и снова посмотрел на лавочку. Молодые люди по-прежнему не проявляли особенного интереса к окружающей действительности, а потому он решил пока оставить их в покое.

Мысли его неожиданно вернулись к Кате.

Возможно, девушка действительно обиделась из-за денег, которые он взял из-под простыни. Степан нахмурился, пытаясь припомнить, сколько именно там лежало и почему хозяйка предпочитала хранить свои сбережения столь необычным способом. В конце концов, деньги под матрасами обычно держали люди старой закалки, которые не доверяли банкам, государству и иногда даже собственным родственникам.

А потом его осенило.

Вполне возможно, Катя откладывала деньги на похороны! Мысль показалась Степану настолько убедительной, что он даже сочувственно вздохнул. Девушка, конечно, молодая, но ведь предусмотрительность ещё никому не мешала. Другое дело, что тратить похоронные накопления на продукты, клей и прочие хозяйственные нужды было, пожалуй, несколько преждевременно.

Он уже собирался вернуться к лавочке, когда заметил приклеенное к фонарному столбу объявление.

Крупными буквами на нём значилось: «КУПЛЮ ВАШЕ АВТО В ЛЮБОМ СОСТОЯНИИ».

Степан остановился и внимательно перечитал надпись. Особенно его заинтересовали последние три слова, поскольку в его представлении автомобиль, находившийся сейчас возле подъезда, вполне соответствовал заявленным требованиям. Машина действительно пребывала в некотором состоянии, причём значительно лучшем, чем двое молодых людей, с которыми она сюда приехала.

Постояв ещё немного, он щёлкнул пальцами и направился к лавочке, где Сергей уже слегка сполз набок, заставив своего приятеля принять ещё менее удобное положение.

В кармане спортивной куртки обнаружился телефон. Степан достал аппарат, посмотрел на объявление и набрал указанный номер, после чего приложил трубку к уху и с деловым выражением лица принялся ожидать соединения.

Ответил мужчина, представившийся Ашотом. По голосу чувствовалось, что человек привык обсуждать автомобили гораздо чаще, чем погоду, и потому предложение Степана о возможной продаже машины встретил с заметным интересом.

Сам Степан объяснил ситуацию довольно своеобразно. Он сообщил, что автомобиль стоит возле подъезда, выглядит прилично и вообще представляет собой вполне достойный образец современного машиностроения, хотя лично ему больше нравились старые советские автомобили, потому что там хотя бы можно было самостоятельно разобраться, откуда у машины растут колёса.

Ашот выслушал его, уточнил адрес и довольно быстро согласился приехать посмотреть автомобиль, пообещав быть примерно через десять минут.

Степан удовлетворённо завершил разговор, убрал телефон обратно в карман Сергея и устроился на свободном краю лавочки, предварительно немного подвинув молодых людей, чтобы освободить себе место.

— В Советском Союзе краски были не только высококачественные, но и высокотоксичные. И во времена, когда ещё не было Чебурашки в мультфильме про крокодила, тогда ещё совсем не Гену, творился какой-то мультипликационный хаос.

Степан поднял указательный палец, явно намереваясь развить мысль, однако заметил, что Сергей начал понемногу шевелиться. Тот слегка повернул голову, что-то невнятно пробормотал и снова прислонился к приятелю, который по-прежнему не проявлял интереса к химическим свойствам лакокрасочных материалов.

— Царил везде на „Союзмультфильме“. Но! Однажды наш художник засиделся 5 часов над высокотоксичными красками — так появился знаменитый Серёжа!

Степан ненадолго замолчал, пытаясь вспомнить, видел ли он сам эту передачу с Галыгином или только собирался посмотреть её в ближайшем будущем. Впрочем, разница представлялась ему несущественной, поскольку само утверждение казалось достаточно разумным, чтобы существовать независимо от телевизионного подтверждения.

В этот момент во двор въехала машина, которая, немного сбавив скорость, остановилась неподалёку от подъезда. Из неё вышел невысокий плотный мужчина в тёмной куртке, оглядел припаркованные автомобили и достал телефон, судя по всему, собираясь уточнить местонахождение человека, с которым только что разговаривал.

Степан сразу догадался, что это и есть Ашот.

Он поднялся с лавочки, машинально поправил майку и направился навстречу прибывшему гостю с видом человека, которому предстояло провести чрезвычайно важные деловые переговоры.

Подойдя поближе, Степан широко улыбнулся и протянул мужчине руку.

— Ашот, я так понимаю?

Ашот охотно пожал протянутую руку, после чего с профессиональным интересом оглядел припаркованную неподалёку «Тойоту». Машина выглядела вполне прилично, кузов сохранил заводской блеск, а видимых повреждений, способных существенно повлиять на стоимость, не наблюдалось. При обычных обстоятельствах за такой автомобиль можно было выручить около миллиона рублей, поэтому мужчина заранее приготовился к продолжительному торгу.

— Ну что, дорогой, машина твоя? Документы есть, посмотреть можно?

Степан посмотрел на автомобиль, затем на Ашота и с некоторым недоумением пожал плечами. Вопрос о документах показался ему разумным, хотя он не вполне понимал, зачем ради этого понадобилось специально приезжать, когда всё необходимое наверняка лежало в самой машине.

Он подошёл к пассажирской двери, открыл бардачок и после непродолжительных поисков обнаружил папку с документами. Среди прочего там нашлось несколько старых чеков, инструкция к магнитоле и небольшая пачка бумажных салфеток, которые Степан предусмотрительно оставил на месте, поскольку к продаже автомобиля они никакого отношения не имели.

— Вот, пожалуйста! Всё имеется, всё по-человечески! Я вообще как считаю: если у машины документы есть, значит, она уже наполовину автомобиль! А если нет, тогда это получается просто железяка на колёсах. Научно-популярная мысль, между прочим!

Ашот принял папку, бегло просмотрел бумаги и ещё раз внимательно осмотрел «Тойоту». Чем дольше он разглядывал автомобиль, тем сильнее ему хотелось поскорее выяснить, сколько за него потребует этот странный мужчина, который почему-то явился на встречу без куртки и не интересовался техническим состоянием собственного имущества.

— Хорошая машина, дорогой. Ну и сколько ты за неё хочешь?

Степан задумчиво приложил указательный палец к подбородку, слегка приподняв нижнюю губу. Он смотрел на Ашота так, будто ему предложили решить сложную экономическую задачу, после чего неожиданно оживился.

— А сколько есть? Я много беру!

Ашот даже немного растерялся. Обычно продавцы называли конкретную сумму, которую затем приходилось долго и мучительно уменьшать, ссылаясь на пробег, состояние кузова и общую несправедливость автомобильного рынка. Здесь же покупателю фактически предложили самостоятельно определить стоимость машины, чем не воспользоваться было бы настоящим преступлением против собственного кошелька.

Он ещё раз посмотрел на «Тойоту», прикинул возможную прибыль и с осторожностью произнёс:

— Сто двадцать тысяч могу дать, дорогой. Только у меня сейчас с собой пятьдесят, остальное потом привезу.

Степан выслушал предложение, медленно кивнул и подошёл к автомобилю. Он задумчиво провёл ладонью по крыше машины, после чего неожиданно обнял машину обеими руками, насколько позволяла ширина кузова, и прижался щекой к боковому стеклу.

— Прощай, моя ласточка! Столько времени я с тобой был, столько дорог мы вместе прошли! Эх, жалко, конечно, но что поделать? Жизнь такая штука, сегодня ты на коне, а завтра уже в общественном транспорте!

Он ещё несколько секунд постоял в таком положении, затем выпрямился, тяжело вздохнул и решительно махнул рукой.

— Ладно, шестьдесят так шестьдесят! Забирай, чего уж теперь!

Ашот открыл рот, собираясь уточнить, каким образом предложенные сто двадцать тысяч превратились в шестьдесят, однако вовремя передумал. Если человек самостоятельно уменьшает стоимость собственного автомобиля, мешать ему в этом благородном начинании представлялось неразумным.

Впрочем, объяснение столь удивительной щедрости последовало почти сразу.

— Мне просто деньги срочно нужны, понимаешь? Очень срочно! Там ситуация такая, что человек, можно сказать, на похороны откладывал, а я взял и потратил. Ну вот как так получилось? Сам не пойму! Надо теперь вернуть, а то неудобно перед людьми!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.